

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 29

В. М. Владиславлевъ. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи 207

Е. В. Пѣтуховъ. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ 265

Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе) 297

Л. А. Саккетти. О музыкальной художественности древнихъ грековъ 326

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. К. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ 348

Ю. А. Булаковскій. *П. В. Нестушль*. Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ первый. Харьковъ. 1891 394

Н. Н. Дебольскій. *В. Сергеевичъ*. Русскія юридическія древности. Томъ I. Территорія и населеніе. Томъ II. Власть. Вып. 1. Вѣче и князь. С.-Пб. 1890—1893 405

— Книжныя новости 448

— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ) 26

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библіотека въ 1891 году 37

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 47

А. О—въ. Н. М. Ядринцевъ (некрологъ) 59

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Х. И. Х—къ. Пуустовонъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта (*окончаніе*) 65

О. А. Шеборъ. *Hor. Sat. I. 9. 43 sqq.* 103

О. Г. Мищенко. *Thucyd. VIII 97, и Aristot. 'Αθηναίων. Πολιτ. 32,* 107

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ 193

За редактора С. Платоновъ.

(Вышла 1-го августа).

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстныхъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

Ө. Леонтовича „Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе государственной территоріи.“ С.-Петербургъ 1894.

Настоящими замѣтками я имѣю въ виду отблагодарить г. Леонтовича за вниманіе, оказанное имъ моему труду „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“. Г. Леонтовичъ своими многочисленными ссылками на мое изслѣдованіе констатировалъ, хотя и не прямо, его положительныя стороны и кромѣ того, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, удѣлилъ не мало мѣста критикѣ моего труда. Этимъ онъ нравственно обязалъ меня съ полною внимательностью отнестись къ его труду, родственному съ моимъ, и разобраться въ его результатахъ. Хотя мои замѣтки будутъ носить преимущественно критическій характеръ, тѣмъ не менѣе я считаю ихъ достойною формою благодарности по отношенію къ г. Леонтовичу, который такъ высоко цѣнитъ научное безпристрастіе¹⁾. Пользуюсь случаемъ, чтобы разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, возникшія у г. Леонтовича по поводу разныхъ мѣстъ моей книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ нѣкоторыхъ заблужденій, которыя отчасти были указаны г. Леонтовичемъ, отчасти замѣчены мною самимъ по прочтеніи его изслѣдованія. Въ общемъ моя статья, такимъ образомъ,

---

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 209, пр. 4.

должна служить добавленіемъ къ разработкѣ вопроса, которымъ мы почти одновременно занимались, и съ этой точки зрѣнія должна имѣть общій интересъ.

Прежде всего нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ труда г. Леонтовича. Почтенный профессоръ выбиралъ нужный ему матеріалъ изъ „Очерка исторіи великаго княжества Литовскаго“ В. Б. Антоновича, изъ монографій о литовскихъ князьяхъ—Стадницкаго и Вольфа, Смольки, Прохаски, Барбашева, Латковскаго, Левицкаго и Конечнаго, отчасти изъ генеалогическихъ трудовъ Окольскаго, Папроцкаго, Несѣцкаго, Радзминскаго и главнымъ образомъ Бонецкаго, затѣмъ изъ „Древней Польши“ Балинскаго и Липинскаго, изъ новаго „Географическаго словаря королевства Польскаго“, изъ вышеупомянутаго моего труда, изъ монографій Стецкаго и Андріяшева и статья Яблоновскаго о Волынской землѣ, изъ монографіи Молчановскаго о Подольской землѣ, изъ книги Филевича „Борьба Польши и Руси-Литвы за Галицко-Владимірское наслѣдіе“. По разнымъ частностямъ г. Леонтовичъ привлекалъ къ дѣлу и нѣкоторыя другія изслѣдованія, указанныя имъ въ примѣчаніяхъ, но вышеупомянутые труды легли въ основаніе его очерка и дали ему большую часть содержанія. Г. Леонтовичъ не ограничился одною компилятивною работою, но пересмотрѣлъ и часть печатныхъ источниковъ, откуда черпали его предшественники, и отчасти дополнилъ и исправилъ ихъ сообщенія и сужденія, какъ ему представлялось нужнымъ. Въ результатѣ получилась книга, содержащая въ себѣ перечень всѣхъ княжествъ, изъ которыхъ сложилась государственная территорія великаго княжества Литовскаго, а также и тѣхъ, которыя возникли на этой территоріи вслѣдствіе пожалованій государя и разныхъ другихъ причинъ.

На нашъ взглядъ, г. Леонтовичъ сдѣлалъ здѣсь много лишняго. Княжества, которыя возникали на образовавшейся уже государственной территоріи, нужно было трактовать по столько, по скольку они были элементами дробленія, распадена. Но многія изъ нихъ, какъ справедливо замѣтилъ самъ г. Леонтовичъ, были простыми имѣніями, принадлежавшими князьямъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякія другія крупныя имѣнія — панамъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, г. Леонтовичу надо было уже до конца вести счетъ княжескимъ имѣніямъ, возникшимъ въ XVII и XVIII вѣкахъ до самаго раздѣла Рѣчи Посполитой, надо было перечислять и крупныя панскія имѣнія, по значенію своему одинаковыя съ княжескими. Едва-ли, однако, онъ счелъ бы такую работу для его цѣли нужною; а между тѣмъ на дѣлѣ онъ

выполнилъ часть ея. Все это произошло отъ увлеченія матеріаломъ, которымъ пользовался почтенный профессоръ и который постоянно отвлекалъ его въ сторону побочныхъ политическихъ, генеалогическихъ и историко-географическихъ частныхъ въ ущербъ разработкѣ основной темы. Почтенный профессоръ по преимуществу удѣлялъ свое вниманіе изслѣдованіямъ въ ргоровъ и сравнительно поверхностно отнесся къ тому, что составляло его главную задачу. Самую эту задачу онъ недостаточно точно и ясно себѣ опредѣлилъ. За множественностью не идущихъ къ дѣлу подробностей процессъ образованія государственной территоріи великаго княжества литовскаго остался у него недостаточно рельефно очерченнымъ, остались мало разъясненными тѣ связи, которыя стягивали присоединившіяся къ Литвѣ земли въ единую государственную территорію, остался даже не намѣченнымъ самый моментъ, когда закончилось ея образованіе. Хотя г. Леонтовичъ и много удѣлилъ мѣста въ своемъ очеркѣ удѣльнымъ князьямъ и ихъ владѣніямъ, но онъ мало, какъ будетъ показано ниже, выяснилъ, чѣмъ были удѣльные князья въ Литовско-русскомъ государствѣ, какая была разница между ними и князьями служилыми, въ какой связи состояли многочисленныя княжества съ великокняжескими владѣніями. Для вопроса объ образованіи государственной территоріи выясненіе всего этого, на мой взглядъ, должно было бы стоять на первомъ планѣ. Нельзя сказать, чтобы у г. Леонтовича ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи; но для историка-юриста, назвавшего свой трудъ очеркомъ исторіи литовскаго права, сдѣлано слишкомъ мало, и территорія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственнаго права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣщеніи.

Много лишняго сдѣлано г. Леонтовичемъ и по части библиографическихъ указаній, которыя не всегда связаны органически съ текстомъ его книги и даны только мимоходомъ. Неопытному читателю вслѣдствіе этого представляется опасность—потратить напрасну время, просматривая книгу, указанную г. Леонтовичемъ, въ которой однако нѣтъ ничего по данному вопросу. Такъ, читатель сдѣлалъ бы крупную ошибку, еслибы, повѣривъ г. Леонтовичу, для вопроса объ образованіи государственной территоріи сталъ изучать статью Н. Иванисева „О древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи“, или статью г. Лучицкаго „Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи.“¹⁾ За библиографическія указанія въ ученыхъ трудахъ нельзя не быть

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 13, 14, прим. 2.

благодарнымъ, но лишь только въ томъ случаѣ, если эти указанія ведутъ читателя по прямой и кратчайшей дорогѣ, послѣдовательно намѣчая ему разработку даннаго вопроса въ книгахъ и статьяхъ. Къ сожалѣнію, библиографическія указанія г. Леонтовича совсѣмъ иного характера. Въ нихъ онъ часто отмѣчаетъ труды, которые по данному вопросу не даютъ рѣшительно ничего новаго, трактуютъ его совершенно несамостоятельно, по другимъ книгамъ или статьямъ, о которыхъ г. Леонтовичъ, однако, забываетъ упомянуть. Такъ, напримеръ, для справки о переходахъ Смоленска отъ Литвы къ Москвѣ и обратно отъ Москвы къ Литвѣ по ссылкѣ г. Леонтовича служатъ: *Петровъ*, Бѣлоруссія, 150. *Лесинскій*, Уставныя земскія грамоты, 57. *М. Владимірскій-Будиновъ*, Государства Московское и Литовское (*Кіевск. Унив. Изв.* 1882, стр. 4 и слѣд.). *Baliński*, *Starożytna Polska* IV, 478; *Słown. geograph.* X, 897. Сравни. *Kotlubuj*, *Odśwież Smoleńska i rokój Polanowski* (1858). *Цебриковъ*, Смоленская губернія (1862). Памятная книжка Смоленской губерніи на 1857. *Мурзакевичъ*, Исторія Смоленска. 1848.—Въ этомъ перечнѣ нѣтъ ни Карамзина, ни Соловьева, которые трактовали документально исторію переходовъ Смоленска, и упомянуты труды, которые на нихъ основывались. Заставивъ читателя свѣрять свой разказъ о переходахъ Смоленска съ перечисленными книгами и статьями, г. Леонтовичъ задалъ ему много лишняго и совершенно бесполезнаго труда. Вообще въ своихъ цитатахъ г. Леонтовичъ заботился не объ удобствахъ читателя и научныхъ требованіяхъ, а лишь только о полнотѣ цитатъ, которой онъ, конечно, не достигалъ. Обзору разныхъ земель онъ предпослалъ длинныя перечни книгъ и статей, изъ которыхъ читатель кое-что можетъ узнать о данной землѣ и часто совсѣмъ ничего по тѣмъ вопросамъ, которые затрогиваетъ книга г. Леонтовича. Но такимъ перечнямъ мѣсто въ спеціальныхъ библиографическихъ указателяхъ, а не въ ученомъ трудѣ, гдѣ они являются простымъ балластомъ. Погоня за полнотою цитатъ помножила то, что увеличила очеркъ г. Леонтовича множествомъ лишннихъ строкъ, которыхъ въ немъ и безъ того не мало, вредно отразилась на его трудѣ и въ томъ отношеніи, что развлекла его вниманіе и заставила допустить рядъ такихъ промаховъ и ошибокъ, которые довольно странно видѣть у такого строгаго и требовательнаго къ другимъ ученаго. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу на эти промахи и ошибки.

На стр. 42, въ примѣч. 1 (я буду разбирать и то, что находится въ примѣчаніяхъ у г. Леонтовича, и что часто важнѣе содержаща-

гося въ текстѣ; у почтеннаго профессора нѣтъ настоящей границы между текстомъ и примѣчаніями), г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Радзивиламъ, кромѣ родовыхъ вотчинъ въ Литовской землѣ, въ XV и XVI вв. принадлежали обширныя владѣнія въ другихъ литовско-русскихъ областяхъ: Олита—въ Троцкой землѣ; Несвижъ, Клецкъ и Мирже въ Новгородскомъ повѣтѣ; Гонядзь и Меделы—въ сѣверной Подляхи, именно въ Вѣльской землѣ. Въ доказательство онъ ссылается на Песѣцкаго и Балинскаго. Но по проверкѣ оказывается, что почтенный авторъ не особенно внимательно отнесся къ ихъ сообщеніямъ. На стр. 280 и 281 четвертаго тома *Starożytna Polska*, на которыя, между прочимъ, ссылается г. Леонтовичъ, нѣтъ извѣстія о томъ, что бы Олита принадлежала Радзивиламъ. Тамъ сообщается только, что король Сигизмундъ Августъ давалъ Олиту въ доживотье жещѣ своей Барбарѣ Радзивиловиѣ. Почтенный профессоръ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе г. Малышевскимъ, который въ своей статьѣ „Люблинскій съѣздъ 1569 года“ вольно передалъ титулъ Николая Радзивила: „Божьею милостью князь Олитскій и Несвижскій“¹⁾. На самомъ же дѣлѣ Николай Радзивилъ былъ княземъ „на Ołucie i Nieświężu, и эта Олука (а не Олита) находилась въ землѣ Волинской, а не Троцкой, какъ это явствуетъ изъ сообщенія Балинскаго и Липинскаго²⁾. Она досталась Радзивиламъ по женской линіи отъ пановъ Кишковъ въ началѣ XVI вѣка, равно какъ и Несвижъ³⁾. Клецкъ попалъ во владѣніе Радзивиловъ послѣ королевы Бонны, во второй половинѣ XVI вѣка; Миръ (а не Мирже) приобрѣтенъ Радзивилами отъ пановъ Ильичей также въ XVI вѣкѣ⁴⁾; Гонязь или Гонюндзь (по польскому произношенію) былъ пожалованъ Радзивиламъ въ 1509 году⁵⁾; Мядель (а не Меделы) попала во владѣніе Радзивиловъ также въ XVI вѣкѣ⁶⁾. Какъ же можно утверждать, что эти владѣнія принадлежали Радзивиламъ и въ XV вѣкѣ? Затѣмъ: Клецкъ и Несвижъ въ составъ Новгородскаго повѣта попали со времени об-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 85, прим. 1.

²⁾ *Starożytna Polska* III, 47.

³⁾ *Starożytna Polska* III, 47; IV, 505; *М. Любавскаго*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута, стр. 119. Москва. 1893.

⁴⁾ *Starożytna Polska* IV, 526, 529.

⁵⁾ *Starożytna Polska* III, 459; *Bonieckiego*, *Poczet rodów*, стр. 271.

⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 112.

ластного разграниченія, производившагося въ 1564—1566 годахъ, но не ранѣе; Мидель вовсе не находилась въ сѣверной Подляхи, а въ Виленскомъ повѣтѣ при озерѣ того же имени (нынѣ Вилейскаго уѣзда), а со времени новаго областного разграниченія—въ Ошмянскомъ ¹⁾.

Еслибы г. Леонтовичъ не пропустилъ сообщенія Балинскаго и Липинскаго объ Олыкѣ, онъ, быть можетъ, не сталъ бы выводить Радзивиловъ отъ мионическихъ князей Биржанскихъ ²⁾. Въ этомъ сообщеніи прямо говорится, что Радзивилы получили титулъ князей, и при томъ Священной Римской Имперіи, отъ императора Карла V въ 1549 г., а король Сигизмундъ Августъ на сеймѣ въ Берестѣѣ подтвердилъ за ними этотъ титулъ. До 1549 года Радзивилы не назывались князьями, и это вовсе не потому, что они низшли въ ряды простыхъ военнослужившихъ людей, какъ думаетъ г. Леонтовичъ. Дѣйствительные потомки князей, какъ бы низко не спускались на общественной лѣстницѣ, всегда удерживали свой титулъ, каковы, напримѣръ, князья Свирскіе ³⁾. Съ какой же стати могли потерять этотъ титулъ Радзивилы, являющіеся ближними людьми государя, крупными землевладѣльцами съ тѣхъ поръ, какъ только начинаютъ говорить о нихъ источники? Ясное дѣло, что до 1549 года они никогда не были князьями. Г. Леонтовичъ не только выводитъ Радзивиловъ отъ мионическихъ Биржанскихъ князей, но даже разказываетъ про нихъ, что при Ягеллѣ и Витовтѣ они еще удерживали вполнѣ значеніе удѣльныхъ владѣтелей. На чемъ основано это утвержденіе почтеннаго профессора, извѣстно только ему одному. „Лишь во второй половинѣ XV вѣка,—продолжаетъ онъ,—князья Биржанскіе Радзивилы стали входить въ разрядъ литовскихъ служившихъ князей“. И это утвержденіе—вполнѣ голословное, при томъ же мало говорящее воображенію о перемѣнѣ, происшедшей въ положеніи Радзивиловъ, въ виду слѣдующей оговорки г. Леонтовича: „Впрочемъ Радзивилы еще долго пользовались, если не *de jure*, то *de facto* положеніемъ владѣтельныхъ князей. Въ 1564 г. Кристофъ Радзивилъ даетъ г. Бирже привилей на магдебургское право, подтвержденный затѣмъ королемъ. Какъ выше замѣчено, Николай Радзивилъ титулуется въ грамотѣ 1562 года

¹⁾ Ibidem., стр. 111, 112, 126—133; *Starożytna Polska* IV, 199, 504, 528.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 42, 48.

³⁾ Въ 1528 году нѣкоторые изъ нихъ выставили на ратное поле одного коня, а самое большое—четыре. Литов. Метр. кн. Публичн. дѣль I, л. 36.

„Божією милостію княземъ Олыцкимъ“¹⁾.—Но мы уже видѣли, какого происхожденія этотъ титулъ. Что же касается дарованія магдебургскаго права, то неужели г. Леонтовичъ полагаетъ, что это какое-то особенное право князей? Даровать магдебургское право своему мѣсту могъ тогда всякій панъ съ утвержденія господаря, какъ было и въ данномъ случаѣ²⁾. Г. Леонтовичъ на стр. 35 и 203 своего очерка самъ же разказалъ о погонѣ литовскихъ магнатовъ XVI вѣка за княжескимъ титуломъ, о дѣятельной фабрикаціи родословныхъ и привилеевъ на княжеское достоинство, и самъ же вѣритъ въ эти родословныя. Не проще ли было объяснить выдающееся положеніе Радзивиловъ именно тѣмъ, что они были „добрыми думцами“ литовскихъ господарей, и не тревожить уже прахъ Паримунта, старшаго сына Завилейскаго князя Ромунда³⁾. Если предки Радзивиловъ и были когда нибудь князьями, то развѣ только такими, о которыхъ говорить наши лѣтописи при Мендовгѣ⁴⁾.

На стр. 43, изображая судьбу другаго мионическаго княжества—Утенскаго, г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Княжество Утенское существовало въ качествѣ самостоятельной области до конца XIV вѣка, когда большая его часть вошла въ составъ коронныхъ владѣній великихъ князей Литовскихъ“⁵⁾. Въ доказательство того, что Утена была великокняжескою волостью въ концѣ XIV вѣка, г. Леонтовичъ указываетъ, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ (?) привилей еврейямъ 1388 г., упоминается будто бы державца Утенскій—князь Михайлъ Глинскій. Обратившись къ привилею, данному еврейямъ въ 1388 году въ Луцкѣ, мы въ дѣйствительности не найдемъ въ немъ и не можемъ найти имени кн. Михайла Глинскаго. „А при томъ были тамъ светковѣ,—читаемъ здѣсь: князь Федоръ, воевода Луцкій, будучи того часу Зимонтъ (а Рымонтъ) рыцаре, а любо бояре зъ Литвы, и тежъ Минкгайло изъ Ошмены, и тежъ зъ Литвы иншіе бояре“.—Гдѣ же нашелъ г. Леонтовичъ кн. Михайла Глинскаго? Въ припискѣ къ этому привилею, которая содержитъ указаніе на его подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ „лѣта вароженя Христова полторы тысячи и семь“⁶⁾. Ясное

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 788.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 43, прим. 1.

⁴⁾ Ibidem, стр. 48.

⁵⁾ Zbiór praw litewskich, str. 108, 109; С. А. Бершадская, Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 1. С.-Пб. 1882.

дѣло, что вышеупомянутый князь Михаилъ Глинскій не кто иной, какъ извѣстный и переизвѣстный князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, бывший державцею Утенскимъ въ концѣ княженя Александра и въ началѣ княженя Сигизмунда ¹⁾, всѣ другія лица, присутствовавшія въ господарской радѣ вмѣстѣ съ княземъ Глинскимъ,—должностныя лица того же времени. Съ такимъ вниманіемъ почтенный профессоръ читалъ столь важный для него документъ! Но за то тутъ же онъ составилъ такую ученую цитату относительно княжества Утенскаго: „См. *Baliński, Starożytna Polska*, 2-е изд., IV, 220—225. *Sulimierski, Słown. geogr.* X, 600. *Niesiecki, Herbarz*, 2-е изд. III, 473; IV, 119; VIII, 370“. Неужели г. Леонтовичъ серьезно полагаетъ, что эта цитата *научно* обосновываетъ то, что онъ говоритъ о княжествѣ Утенскомъ? Вѣдь всѣ приведенныя имъ сочиненія черпали свои свѣдѣнія изъ одного и того же мутнаго источника—изъ литовскихъ генеалогическихъ и топографическихъ домысловъ и преданій; издатели же „Географическаго словаря“ пересказывали то, что даетъ *Starożytna Polska*, какъ въ большинствѣ случаевъ они поступали относительно Литвы и западной Россіи. Конечно, отчего не воспользоваться и преданіемъ, но пользоваться надо съ оговоркою, что это преданіе; а г. Леонтовичъ рассказываетъ о княжествѣ Утенскомъ такъ, какъ будто бы все то, что онъ говоритъ, основано на точныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Такова его манера и въ отношеніи къ другимъ княжествамъ въ Литовской землѣ, манера, которая можетъ вводить только въ заблужденіе читателей, не вооруженныхъ знаніемъ литературы и источниковъ трактуемаго вопроса.

На стр. 56—61 своего очерка г. Леонтовичъ ставитъ гипотезу о существованіи особаго Городенско-Вѣльско-Кобринскаго княжества въ концѣ XIV вѣка, по смерти Ольгерда. Онъ предполагаетъ, что Кобринъ былъ взятъ тогда Кейстутомъ и вмѣстѣ съ Вѣльскомъ отданъ имъ „въ значеніи вѣна“ (посага?) за дочь или родственницею княжною Вассою *русскому* князю Михаилу Семеновичу, владѣвшему будто бы Городномъ въ Подляхін (близъ Вѣльска). Такъ, по его мнѣнію, лучше всего объяснить показанія актовъ, относящихся до церкви Рождества Богородицы въ Вѣльскѣ, именно: грамоты короля Александра 1507 года (?), гласящей, что церковь основана „зъ падања княгини Вассы Михайловоє, бабки нашое“; ревизіи

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 88.

1637 года, свидѣтельствующей, что церковь основана „нѣкгда княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ и княгинею Вассою“; описанія фундашей бѣльскихъ церквей, составленнаго въ 1787 году и повторяющаго фактъ основанія вышеупомянутой церкви „od I. O. ksiązki Ruskiej Michała y Wasilla Semonowiczów Horodeńskich, Bielskich y Kobryńskich dziedziców“ (г. Леонтовичъ вмѣстѣ съ Вольфомъ признаетъ, что князь Василій попалъ сюда вмѣсто княгини Вассы по ошибкѣ составителя описи, не умѣвшаго разобрать вышеупомянутую грамоту короля Александра 1507 г.). Изъ этихъ показаній, казалось бы, надо считаться только съ показаніями первыхъ двухъ документовъ, имѣющими самостоятельный характеръ. Показанія описанія 1787 г. не дадутъ ничего новаго, да къ тому же идутъ отъ лица, по признанію самого г. Леонтовича, не умѣвшаго читать старинныхъ русскихъ пергаминовъ. Тѣмъ не менѣе г. Леонтовичъ беретъ отсюда наименованіе князя Михаила Семеновича русскимъ и придаетъ ему особенное значеніе. „Здѣсь мы наталкиваемся,—говоритъ онъ,—на фактъ, имѣвшій мѣсто чуть ли не во всѣхъ русскихъ областяхъ Литовскаго государства,—фактъ существованія удѣльныхъ князей русскаго происхожденія и послѣ присоединенія западной Руси къ Литвѣ“. На нашъ взглядъ, мы здѣсь не наталкиваемся ни на что подобное: составитель описанія 1787 года назвалъ князя Михаила Семеновича не по чему другому „русскимъ“, какъ потому, что онъ былъ *русской* вѣры и построилъ *русскую* церковь, похороненъ въ *русской* церкви. Вѣроятно, г. Леонтовичу не безвѣстно, что значилъ терминъ „русскій“ въ западной Руси въ XVIII вѣкѣ. Г. Леонтовичъ заставляеть этого русскаго князя Михаила владѣть какимъ-то подляшскимъ Городномъ, которое онъ разыскивалъ на картѣ г. Андрияшева, но безуспѣшно. Пасъ это нисколько не должно удивлять, потому что никакого особеннаго подлянскаго Городна не существовало. Всѣ тѣ акты, на которые ссылается г. Леонтовичъ въ доказательство того, что существовало особое подлянское Городно ¹⁾, относятся въ дѣйствительности къ Городну на Неманѣ, которое граничило и съ Гализемъ, и съ Райгородомъ, и съ Вѣльскомъ ²⁾. Пробовалъ ли г. Леонтовичъ, взявъ въ руки подробную карту, слѣдить по ней за тѣми ограниченіями Городен-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 58, прим. 2.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 176—180, 184—186 и карту.

скаго повѣта, на которыя онъ указываетъ? Мы говоримъ: нѣтъ; иначе онъ не сталъ бы доказывать ими существованіе особаго подлянскаго Городна на сѣверо-востокѣ отъ Бѣльска. У насъ подъ руками не мало было актовъ, относящихся къ Подляшью вообще и къ Бѣльскому повѣту въ частности и современныхъ тѣмъ ограниченіямъ, на которыя указываетъ г. Леонтовичъ. Но ни малѣйшихъ признаковъ существованія особаго подлянскаго Городна мы въ нихъ не встрѣтили и, на сколько намъ извѣстно, о такомъ Городнѣ нѣтъ никакихъ указаній и въ существующихъ историко-географическихъ трудахъ, такъ что честь открытія его должна принадлежать всецѣло г. Леонтовичу. Ему же принадлежитъ и установленіе особеннаго смысла въ названіи „бабка“. Вольфъ совершенно ясно показалъ, кто такая была княгиня Васса, и какимъ образомъ она доводилась королю Александру бабкою. Эта была—княжна Гольшанская, сестра королевы Софіи (жены Ягелла), бывшая въ первый разъ замужемъ за княземъ Иваномъ Владимировичемъ Ольгердовичемъ¹⁾. Но такъ какъ она жила въ XV вѣкѣ, а г. Леонтовичу слѣдовало отыскать княгиню Вассу XIV вѣка, то онъ отвергъ мнѣніе Вольфа о княгинѣ Вассѣ: по его словамъ, король Александръ въ своей грамотѣ называетъ княгиню Вассу бабкою въ общемъ смыслѣ прародительницы (?), а не потому, чтобы она приходилась ему дѣйствительно бабкою, хотя бы и не родною. Но такое толкованіе г. Леонтовича уже чрезчуръ вольное: мы не знаемъ другихъ примѣровъ употребленія словъ „дѣдъ“ и „бабка“ въ такомъ неопредѣленномъ и даже неопредѣлимомъ значеніи, на которомъ настаиваетъ г. Леонтовичъ. Въ виду всего этого, съ полнымъ правомъ можно сказать, что вся гипотеза г. Леонтовича объ особомъ Городенско-Бѣльско-Кобринскомъ княжествѣ конца XIV вѣка виситъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою никакихъ основаній въ источникахъ.

Какъ же, однако, быть съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Городенскимъ, Бѣльскимъ, и Кобринскимъ? На нашъ взглядъ можно допустить существованіе старшаго брата Михаила у князя Ивана Семеновича *Кобринскаго*; онъ могъ быть современникомъ княгинѣ Вассѣ и жениться на ней, когда она овдовѣла (послѣ 1446 г.). Предполагать это можно съ тѣмъ большею вѣроятностью, что у князей Кобринскихъ были уже семейныя связи съ домомъ князей Гольшанскихъ: князь Семенъ Романовичъ былъ женатъ на княжнѣ Юліаніи Се-

¹⁾ *Wolff*, *Ród Gedimina*, str. 104. Kraków. 1886.

меновиѣ Гольшанской ¹⁾. За теткою своею Казимиръ могъ дать Бѣльскъ если не въ вотчину, то въ доживотье. Такая щедрость не должна насъ удивлять, если мы припомнимъ, какъ много сдѣлали для Казимира князя Гольшанскіе при возведеніи его на литовскій престоль, не говоря уже о близкомъ родствѣ съ нимъ и княгини Вассы, и князей Кобринскихъ. Княгиня Васса жила съ мужемъ въ Бѣльскѣ и въ то время фундавала церковь Рождества Богородицы по совѣту съ мужемъ. Повидимому она пережила мужа и умерла, не имѣя отъ него дѣтей. послѣ чего Бѣльскъ спалъ на господаря, который назначилъ туда своимъ намѣстникомъ пана Бартоша Монтовтовича (онъ выступаетъ по актамъ въ 1484 году, какъ разъ по смерти княгини Вассы) ²⁾. Князь Михаилъ Семеновичъ, повидимому, владѣлъ имѣніями въ Городенскомъ повѣтѣ, по близости отъ Бѣльска, изъ которыхъ также жаловалъ церковь Рождества Богородицы по особымъ грамотамъ. Имѣя подъ руками эти грамоты, составитель той надписи объ основаніи церкви, о которой упоминаетъ ревизія 1637 года, и повеличалъ его княземъ Городенскимъ, Бѣльскимъ и Кобринскимъ, не умѣя иначе объяснить жалованныхъ грамотъ кн. Михаила, относящихся къ повѣту Городенскому, какъ тѣмъ, что онъ былъ княземъ въ Городѣ. Это тѣмъ легче могло произойти, что надпись составлялась въ 1562 году, когда церковь переносили на другое мѣсто. Къ тому времени память о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ могла уже затемниться, а имѣвшіяся въ церкви грамоты его обветшать настолько, что и разобрать ихъ, какъ слѣдуетъ, было трудно. На это указываетъ и то обстоятельство, что древнѣйшая фундушевая грамота Богородичной церкви дошла до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ списокъ съ подлинника, который переписчикъ не могъ уже полностью прочитать, а потому кое-гдѣ пополнилъ по собственному разумѣнію, вслѣдствіе чего получились разныя несообразности. На эти несообразности г. Леонтовичъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя и сдѣлалъ укоръ Вольфу въ невнимательности къ актамъ, относящимся до князя Михаила Семеновича. Онъ процитировалъ *bona fide* ³⁾ грамоту, въ которой титулъ короля Александра таковой, какой польскіе короли могли носить только съ 1634 года, со времени заключенія Поляновскаго мира: „великій король (?) Польскій,

¹⁾ Ibidem, str. 129.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 85; *Wolffa*, Ród Gedimina, str. 104.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 56, прим. 5.

князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомонтскій, *Сверскій*. Мазовецкій, *Инфлянскій* и иных¹⁾: помѣчена эта грамота 17-го апрѣля 1507 года, когда короля Александра уже не было на семь свѣтъ (умеръ 19-го августа 1506 года); подписана она какимъ то Василюмъ Горностаемъ, писаремъ совершенно неизвѣстнымъ по другимъ источникамъ того времени¹⁾. Еслибы г. Леонтовичъ остановился надъ всѣмъ этимъ и искалъ бы объясненія всѣмъ этимъ несообразностямъ, тогда, быть можетъ, онъ попалъ бы и на болѣе прямую дорогу къ князю Михаилу Семеновичу Городенскому, Бѣльскому и Кобринскому. Предоставляемъ читателю самому разсудить, чья гипотеза имѣетъ подъ собою болѣе основаній, наша ли или гипотеза г. Леонтовича.

На стр. 77 очерка г. Леонтовича находится удивительное сообщеніе о князѣ Михаилѣ Борисовичѣ Тверскомъ. „Во второй половинѣ XV столѣтія, — говоритъ почтенный профессоръ, — выдѣляется въ Слонимскомъ повѣтѣ волость Лососино, пожалованная князю Михаилу Борисовичу, сыну московскаго выходца (съ 1393 года) тверскаго князя Бориса Александровича²⁾. Что это за московскій выходецъ, тверской князь Борисъ Александровичъ, ушедшій въ Литву съ 1393 года, мы не знаемъ и ждемъ на этотъ счетъ разъясненій г. Леонтовича. Мы знаемъ, что Борисъ Александровичъ († 1461) былъ отцомъ послѣдняго великаго князя тверскаго Михаила Борисовича, и этотъ Михаилъ Борисовичъ ушелъ въ Литву и тамъ держалъ въ кормленѣ нѣсколько волостей. Лососинная принадлежала именно этому великому князю тверскому, какъ это совершенно ясно изъ жалованныхъ грамотъ на эту волость, выданныхъ въ 1504 г. князю Василю Львовичу Глинскому, а въ 1510 году, послѣ измѣны его, князю Семену Александровичу Чорторыйскому³⁾. Почему г. Леонтовичъ не пошелъ за прямыми указаніями источниковъ и предпочелъ удивить читателя вышеупомянутымъ сообщеніемъ, остается тайною³⁾.

¹⁾ Сран. *Wolffa*, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego. Kraków. 1885. Этимъ трудомъ г. Леонтовичъ почему-то совершенно не пользовался, а между тѣмъ знакомство съ нимъ могло бы предотвратить нѣкоторыя крупныя ошибки, вкраившія въ его очеркъ, о чемъ см. ниже.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 218; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 56. Сран. *Соловьева*, История Россіи, т. V, стр. 61 по изд. второму.

³⁾ Впрочемъ, мы готовы разъяснить эту тайну. На стр. 354 книги г. Бонцака *Poczet rodów* г. Леонтовичъ прочиталъ: „W 1393 r. potwierdził Borys Alexandrowicz, w. ks. twerski, ugodę zawartą z Witoldem, w. ks. Litewskim. Cod. Epist. Vitoldi i M. L. 6“. И въ такомъ видѣ это сообщеніе—прямая несообраз-

На стр. 78 г. Леонтовичъ даетъ устарѣвшія и совершенно невѣрныя свѣдѣнія о воеводствѣ Новгородскомъ. „Въ административномъ отношеніи.—говоритъ онъ,—области, образовавшіяся на территоріи Черной Руси, въ XV столѣтіи (съ 1413 года) тянули къ Трокскому воеводству. Въ 1500 году изъ него выдѣлялось особое Новгородское воеводство; въ составѣ Трокскаго воеводства остался лишь одинъ Городенскій повѣтъ. Новгородское воеводство образовалось изъ трехъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Бывшее Новгородское княжество было раздѣлено на два повѣта: восточная половина его, со включеніемъ сосѣднихъ областей сѣвернаго Полѣся (княжества Слуцкаго, Клецкаго и Несвижскаго), составила повѣтъ Новгородскій; западная половина, съ Волковыйскомъ во главѣ, отчислена въ особый повѣтъ. Бывшій Слонимскій удѣлъ образовалъ третій повѣтъ“.—Въ этихъ сообщеніяхъ сказался „знаменательный фактъ плохой прививки новыхъ научныхъ выводовъ“ въ трудѣ г. Леонтовича, который „повторяетъ задъ“ (пользуемся его собственными выраженіями), и при томъ очень устарѣлые. Теперь же извѣстно, что намѣстникъ Новгородскій сталъ постоянно именоваться воеводою только съ 1507 года, въ силу особаго привилея, выданнаго князю Ивану Львовичу Глинскому, такъ что и учрежденіе Новгородскаго воеводства можно датировать только 1507 годомъ ¹⁾. Но и это только въ крайнемъ случаѣ. Въ своемъ трудѣ, который былъ въ распоряженіи г. Леонтовича, я привелъ *документальныя* данныя ²⁾, свидѣтельствующія, что Новгородскій повѣтъ и послѣ 1507 года входилъ въ составъ Виленскаго воеводства, а пожалованіе Новгородскому намѣстнику титула воеводы только повысило его въ радѣ великаго князя и не внесло никакихъ перемѣнъ въ положеніе Новгородскаго повѣта ³⁾. Поэтому и учрежденіе особаго Новгородскаго воеводства, равнозначащаго съ Виленскимъ, Трокскимъ и т. д., слѣдуетъ отнести къ 1564—1566 гг., и тогда, а не въ 1500 г., вошли въ составъ его повѣты Слонимскій и Волко-

---

ность, какъ указалъ уже Барбашенъ (Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы, стр. 90, прим. 56), а г. Леонтовичъ еще по своему прочиталъ сообщеніе Бонцакаго, такъ что получилась двойная несообразность.

¹⁾ *Wolffa*, *Senatowowie i dugnitazie W. ks. Litewskiego*, str. 34—36.

²⁾ Перечисль военно-служилыхъ землевладѣльцевъ 1528 г. по воеводствамъ и повѣтамъ. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 26—34.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 126, 127.

вийскій, княжества Слуцкое, Клецкое и Песвижское ¹⁾). На стр. 162 и 163 своего труда я указалъ, что Слонимъ и Волковыскъ во всѣхъ перечняхъ дворовъ великаго княжества, дошедшихъ отъ времени Александра и Сигизмунда I, называются дворами *Троцкими*; въ перемени военномослуживыхъ землевладѣльцовъ 1528 года они поставлены *съ воеводствомъ Троцкомъ* ²⁾). Но г. Леонтовичъ почему-то презрѣлъ мои сообщенія и предпочелъ пересказать то, что даетъ *Starożytna Polska*, то-есть, вошющій анахронизмъ ³⁾).

На стр. 87 г. Леонтовичъ на основаніи лѣтописи Быховца утверждаетъ, что князь Андрей Владимировичъ Ольгердовича былъ княземъ Могилевскимъ. „Въ числѣ литовскихъ князей,—говоритъ онъ.—присутствовавшихъ въ Краковѣ на коронаціи Владислава-Ягеллы (въ 1386 г.) упоминается, могилевскій князь Андрей Владимировичъ, принявшій тутъ же вмѣстѣ съ Ягеллой католицизмъ“. Но ниже, на стр. 98, въ прим. 1, онъ признаетъ уже, что Вольфъ доказалъ невѣрность показанія лѣтописи Быховца по отношенію къ Андрею Владимировичу. Читатель остается въ недоумѣніи, былъ ли или нѣтъ Андрей Владимировичъ княземъ Могилевскимъ. Его недоумѣніе должно быть тѣмъ сильнѣе, что г. Леонтовичъ считаетъ Могилевъ уже съ конца XIV вѣка не во владѣніи кн. Андрея Владимировича, а королевы Ядвиги, житіе которой онъ продолжаетъ на XV вѣкѣ. „Въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія Могилевъ съ волостью принадлежалъ королевѣ Ядвигѣ, въ качествѣ вѣна, полученнаго ею отъ мужа Владислава-Ягеллы“. Итакъ, королева Ядвига, умершая 17-го іюля 1399 г., оказывается, жива была еще въ началѣ XV вѣка. Такъ „механически комбинировалъ“ г. Леонтовичъ содержаніе своей книги. Прошу у него прощенія за то, что ненамѣренно внесъ его въ заблужденіе: королева Ядвига попала въ XV вѣкѣ по моему недосмотру, и г. Леонтовичъ замствовалъ свѣдѣнія о ней изъ моей книги, на которую онъ почему-то не сослался въ данномъ мѣстѣ, но предпочелъ взять изъ нея цитату ⁴⁾).

¹⁾ См. „Списанье повѣтовъ великаго княжества Литовскаго и вранниковъ въ нихъ“ и „Описанье повѣтовъ и границъ“ въ Литов. Метр. кн. Публич. дѣл VII. л. 197—203; 117—125.

²⁾ Литов. Метр. кн. Публич. дѣл I, л. 95—99.

³⁾ Что Слуцкое княжество до 1564 года не входило въ составъ Понгородскаго повѣта, объ этомъ г. Леонтовичъ могъ бы узнать изъ сеймоныхъ постановленій 1544 года, нанечанныхъ въ книгѣ, бывшей у него подъ руками: *Zbiór praw litewskich*, str. 401. Poznań, 1841.

⁴⁾ Срав. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 122.

На стр. 92 г. Леонтовичъ утверждаетъ, что въ Минскѣ удѣльные князья держались до начала XV столѣтія. Въ доказательство онъ приводитъ привилей короля Владислава-Ягелло отъ 1387 года, который, однако, прямо говоритъ противъ его утверженія. По этому привилею Ягелло пожаловалъ брату своему Скиргеллу „на Руской сторонѣ городъ Менескъ Литовьского жъ княженя весь и со всѣми людьми и съ землею и съ всякою пошлиною и съ доходомъ и князи *служебные*, тымъ усѣмъ володѣти князю Скирикгайлу, брату нашему“¹⁾. (Откуда же видно, что въ Минскѣ были *удѣльные* князья? Видѣ привилей прямо говоритъ, что существовали *служебные* князья, и при томъ въ Минской землѣ, а не въ самомъ Минскѣ. Еслибы удѣльные князья существовали въ Минскѣ, развѣ могъ бы Ягелло жаловать тогда Минскъ „со всѣми людьми, и съ землею, и со всякою пошлиною, и съ доходомъ“, не устраняя самихъ удѣльныхъ князей? Г. Леонтовичъ, ставя свою гипотезу, думаетъ, очевидно, что—могъ, противорѣча тому, что самъ говоритъ объ удѣльныхъ князьяхъ, объ удѣльной самостоятельности. Его соблазнилъ Минскій князь Урустай, который, по сообщенію нашихъ лѣтописей, прибылъ въ 1408 году вмѣстѣ съ Свидригелломъ въ Москву. Но этотъ князь, очевидно, былъ изъ числа служебныхъ князей, о которыхъ говоритъ привилей 1387 года, и притомъ, судя по названію, едва ли не татаринъ.

„Удѣлы, входившіе въ составъ Минской земли.—продолжаетъ г. Леонтовичъ,—въ началѣ XV вѣка въ большинствѣ были присоединены къ короннымъ владѣніямъ и, по рѣшенію Городельскаго сейма 1413 года, составили отдѣльное намѣстничество“. Мы не знаемъ откуда почерпнулъ г. Леонтовичъ это странное извѣстіе, странное потому, что выдвигаетъ Городельскій сеймъ въ несвойственной ему роли и не согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о позднѣйшей судьбѣ минскихъ полостей. Если большинство минскихъ удѣловъ въ началѣ XV вѣка присоединены были къ короннымъ (лучше было бы сказать: къ господарскимъ) владѣніямъ, то зачѣмъ же сейму еще надо было рѣшать, что бы они составили намѣстничество? Развѣ они сдѣлались господарскими, eo ipso они стали и намѣстничествомъ. Можно было бы понять сообщеніе г. Леонтовича въ томъ смыслѣ, что сеймъ постановилъ, чтобы государь не отдавалъ ихъ никому въ вотчину и не разбивалъ по управленію на нѣсколько намѣстничествъ. На дѣлѣ

¹⁾ *Отечественныя Записки*, 1829, январь, № CV.

мы ничего подобнаго не видимъ въ послѣдующее время. Айна несомнѣнно входила въ составъ Минскаго княжества, а между тѣмъ она была пожалована великимъ княземъ Витовтомъ Андрею Владимировичу Ольгердовича, а въ началѣ XVI вѣка была отдѣльною державою. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ, подтвержденныя ссылками на источники, г. Леонтовичъ могъ бы найди во второмъ очеркѣ моей книги, который былъ въ его распоряженіи ¹⁾.

Въ этой же книгѣ, на стр. 13 и 102, г. Леонтовичъ могъ бы найди и нѣкоторыя указанія на то, что Минскъ съ его повѣтомъ долгое время и послѣ 1500 года входилъ въ составъ *Виленскаго воеводства* ²⁾ и управлялся намѣстниками. Въ книгѣ г. Вольфа *Senatowic i dygnitarze W. Ks. Litewskiego* даны свѣдѣнія о томъ, когда было организовано воеводство Минское. Но г. Леонтовичъ предпочелъ остаться вѣрнымъ *Starożytna Polska*. „Окончательная организція его (намѣстничества Минскаго) въ воеводство, — говоритъ почтенный профессоръ, — принадлежитъ 1500 году (sic!) ³⁾, когда область эта была раздѣлена на повѣты, съ введеніемъ въ нихъ земскихъ учреждений, общинъ для всѣхъ литовскихъ областей“. Обозначенныя курсивомъ слова принадлежатъ г. Леонтовичу, и въ *Starożytna Polska* (t. IV, str. 666) ихъ нѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что земскія учреждения, то есть, земскіе суды и повѣтовые сеймики, введены въ Литовско-Русскомъ государствѣ не задолго до Люблинской уни, одновременно съ изданіемъ новаго статута ⁴⁾. Отъ г. Леонтовича мы узнаемъ, что земскія учреждения были введены въ 1500 году. Или, быть можетъ, почтенный профессоръ разумѣлъ что-нибудь другое подъ земскими учрежденіями 1500? Крайне интересно было бы узнать отъ него о реформѣ 1500 года, которая имѣла общегосударственный характеръ и, однако, ускользнула отъ вниманія всѣхъ изслѣдователей литовско-русской старины, даже тѣхъ, кто наиболее документально ее изучалъ.

¹⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 101, 102.

²⁾ Объ этомъ г. Леонтовичъ могъ бы узнать и изъ стр. 401 *Zbiór praw litewskich*.

³⁾ Это не помѣшало г. Леонтовичу ниже, на 96 стр., признать существованіе въ Минскѣ намѣстниковъ державцевъ, (а не воеводъ) и послѣ 1500 года. См. его ссылку на Акты зап. Рос. II, № 10, 76.

⁴⁾ Акты зап. Рос. III, № 38; *Временникъ Имп. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс. XXIII*.

На стр. 101, говоря о Свислочи, г. Леонтовичъ сообщаетъ между прочимъ: „Другое документально-достоверное свидѣтельство о Свислочи, какъ удѣльномъ владѣніи, находимъ въ привилеѣ, данной въ 1387 году королемъ Владислауомъ-Ягеллой его брату Скиргайлу на цѣлый рядъ удѣльныхъ владѣній въ Бѣлоруссіи, къ составу которыхъ принадлежалъ и городъ Свислочь съ данью, землями людьми и доходами“.—Что Свислочь была нѣкогда особымъ княжествомъ, это несомнѣнно, и г. Леонтовичъ привелъ указанія на это источникъ (стр. 101, прим. 1). Но никакъ нельзя согласиться съ нимъ, чтобы на Свислочь, какъ на удѣльное владѣніе, указывалъ привилеѣй 1387 года, развѣ только въ томъ смыслѣ, что она должна была войти въ составъ удѣла Скиргелла. Вѣдь, если принять Свислочь за отдѣльнымъ княжествомъ, тогда нужно принимать за таковыя же и Гюбруйскъ, Рѣчицу, Любечъ, Пропойскъ, Любошаны и т. д., однимъ словомъ всѣ волости, которыя перечисляетъ привилеѣй Ягелла, и которыя пожалованы были Скиргеллу также съ данью, землями, людьми и доходами. Между тѣмъ привилеѣй Ягелла называетъ *княжествомъ* только Троки съ городами и волостями, къ нему тянувшими, а владѣнія „на Руси“ не называетъ княжествами, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были прежде таковыми: для него все это уже великокняжескія волости. Подробное исчисленіе этихъ волостей понадобилось не потому, что это были отдѣльными владѣніями, а потому, что не все на Руси Ягелло уступалъ брату, часть волостей оставлялъ за собою. Г. Леонтовичъ въ привилеѣй 1387 года второй разъ вычитываетъ то, чего въ немъ нѣтъ. Мнѣ кажется, произошло это оттого, что самаго привилеѣя онъ не читалъ въ полномъ видѣ, а знаетъ его только въ измеченіи Даниловича¹⁾, хотя могъ бы прочитать и въ полномъ видѣ, такъ какъ онъ напечатанъ въ сборникѣ актовъ, который г. Леонтовичу, вѣроятно, небезызвѣстенъ²⁾.

На стр. 106 г. Леонтовичъ говоритъ: „Съ этихъ норъ (съ 1442 года) Смоленская земля вошла въ составъ литовскихъ провинцій и управлялась намѣстниками; были и воеводы, но лишь въ значеніи замѣстителей послѣднихъ и вообще подчиненныхъ имъ органовъ“. Въ доказательство онъ предлагаетъ справиться съ № 78, 108, 128, 160 и др. Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи. Читатель,

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, 101, прим. 2.

²⁾ Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia, tomus II. Codex saeculi quindecimi, № IX. Cracoviae. 1876.

который сталъ бы разыскивать въ этихъ и другихъ актахъ подтвержденія словамъ г. Леонтовича, потерялъ бы напрасно время, потому что въ актахъ говорится только о намѣстникахъ Смоленскихъ, а съ начала княженя Сигизмунда о воеводѣ. На сосуществованіе намѣстника и воеводы въ Смоленскѣ и на подчиненіе втораго первому въ актахъ нѣтъ даже и малѣйшаго намека, и не изъ актовъ г. Леонтовичъ почерпнулъ свои свѣдѣнія. Подобно другимъ изслѣдователямъ, напримѣръ, г. Ясинскому ¹⁾, г. Леонтовичъ былъ введенъ въ заблужденіе лѣтописью Быховца, которая разказываетъ о томъ, что нанъ Иванъ Гаштольдъ, вызванный великимъ княземъ Сигизмундомъ изъ Смоленска на сеймъ въ Троки, передалъ городъ воеводѣ Андрею Саковичу. Названіе „воевода“ употреблено здѣсь составителемъ лѣтописи Быховца въ общемъ смыслѣ, безъ претензіи точно назвать должность Андрея Саковича. Но актамъ мы знаемъ, что названіе „воевода“ стало постояннымъ титуломъ только въ приложеніи къ нану Юрью Глѣбовичу, державшему Смоленскъ въ 1508—1514 годахъ. До этого же времени въ Смоленскѣ были намѣстники, при чемъ намѣстникомъ же былъ между прочимъ и тотъ же нанъ Юрій Глѣбовичъ (въ 1492—1499 гг.) ²⁾. Изъ этого видно, что должность воеводы была нисколько не ниже должности намѣстника, а скорѣе наоборотъ. Во всякомъ случаѣ званіе „воеводы“ было почетнѣе, вслѣдствіе чего главный намѣстникъ Смоленской земли подобно другимъ такимъ же намѣстникамъ съ теченіемъ времени и переименованъ былъ въ „воеводу“. Поставивъ въ параллель съ извѣстіемъ Быховца извѣстіе литовской древнѣйшей лѣтописи объ Андрѣ Саковичѣ, мы найдемъ ключъ къ правильному пониманію и факта передачи Смоленска Гаштольдомъ нану Андрею Саковичу. Древнѣйшая лѣтопись прямо говоритъ объ Андрѣ Саковичѣ, что онъ „держалъ Смоленскъ отъ Жидимонта“ ³⁾; слѣдовательно, Иванъ Гаштольдъ сдалъ Смоленскъ Саковичу не какъ своему замѣстителю, а какъ преемнику. Г. Вольфъ поступилъ совершенно правильно, поставивъ въ своемъ перечнѣ Смоленскихъ намѣстниковъ напа Андрея Саковича преемникомъ Ивана Гаштольда ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ г. Леонтовичу для доказательства своего мнѣнія о воеводахъ Смоленскихъ слѣдовало бы привести побольше данныхъ

¹⁾ Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства, стр. 59, 118, прим. 70. Кіевъ. 1869.

²⁾ *Wolffa*, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 50, 51.

³⁾ Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, стр. 54.

⁴⁾ *Senatorowie i dygnitarze*, str. 49.

источниковъ и не основываться на одной только лѣтописи Бытовца, ненадежность которой, какъ историческаго источника, онъ самъ же признаетъ⁴⁾). Беремъ смѣлость посоветовать г. Леонтовичу не искать этихъ данныхъ, такъ какъ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Воеводы смоленскіе никогда не были въ той роли, въ какой выставляетъ ихъ г. Леонтовичъ согласно съ г. Ясинскимъ, у котораго онъ заимствовалъ взглядъ на воеводу смоленскаго и о которомъ, однако, почему-то счелъ лишнимъ упомянуть въ своей цитатѣ.

Вообще и въ цитатахъ своихъ г. Леонтовичъ оригиналенъ, какъ рѣдко кто-другой. Ссылаясь постоянно на литературу тамъ, гдѣ нужно бы сослаться на источники, онъ ссылается на источники тамъ, гдѣ нужны были бы указанія на литературу. Кромѣ только что изложеннаго случая съ воеводою Смоленскимъ, можно указать и еще на одинъ характерный примѣръ. На стр. 108, перечисляя вяземскія волости, г. Леонтовичъ упоминаетъ между прочимъ о *Глинкахъ* отчинѣ князей Глинскихъ. Обо всѣхъ Вяземскихъ волостяхъ, въ томъ числѣ и о Глинкахъ, г. Леонтовичъ предлагаетъ справиться въ XXXV томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, №№ 2, 3, 9, 16, 20, 31, 37, 124—129, 136, 151. Но, очевидно, что самъ онъ не просматривалъ этого XXXV тома, въ противномъ случаѣ *страницы* не обозначилъ-бы, какъ *номера*, не упомянулъ-бы и о Глинкахъ, потому что въ напечатанномъ тамъ матеріалѣ *нѣтъ никакихъ указаний на Глинки*. Откуда же г. Леонтовичъ взялъ эти Глинки? Изъ книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута“. Авторъ этой книги, составляя карту Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, наткнулся на нѣсколько урочищъ на верховьѣ рѣки Москвы съ названіемъ Глинки. Онъ сдѣлалъ предположеніе, что, вѣроятно, отъ владѣнія этими Глинками вѣтъ князей Вяземскихъ стала называться Глинскими; но недосмотру, эту гипотезу онъ выразилъ въ категорической формѣ: Глинки—отчина князей Глинскихъ. Г. Леонтовичъ, взявъ отсюда весь перечень вяземскихъ волостей, не обмолвился ни единымъ словомъ о книгѣ, откуда онъ взялъ свои свѣдѣнія, а предпочелъ выбрать изъ этой книги ссылки на XXXV томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества, расположивъ ихъ въ порядкѣ цитированныхъ страницъ и назвавъ страницы номерами. Мы не знаемъ, для чего это сдѣлано, и при томъ

⁴⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 98, прим. 1.

такъ неудачно; думаемъ только, что на источники имѣеть право ссылаться только тотъ, кто ихъ дѣйствительно изучалъ или, по крайней мѣрѣ, просматривалъ. Въ другихъ мѣстахъ г. Леонтовичъ выбираетъ ссылки изъ данной книги, и при этомъ цитируетъ ее ¹⁾. И за то спасибо!

На стр. 123, въ примѣчаніи 1-мъ, г. Леонтовичъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ отступилъ отъ общепринятаго мнѣнія о князьяхъ Пинскихъ, какъ потомкахъ Святополка Изяславича, и называлъ ихъ волынскими князьями ²⁾. Мнѣ кажется, что это отступленіе надо было бы мотивировать извѣстными доказательствами. Но г. Леонтовичъ не приводитъ на этотъ счетъ никакихъ соображеній. Точно также неизвѣстно, почему онъ называетъ великаго князя Сигизмунда Кейстутовича Сигизмундомъ-Войдатомъ (стр. 126). Самъ же на стр. 75-й рассказываетъ, что Войдаты Кейстутовичъ умеръ въ 1362 году; тамъ же онъ различаетъ двухъ братьевъ Кейстутовичей, Войдату и Сигизмунда, и вдругъ мы узнаемъ отъ него, что Сигизмундъ (ум. въ 1440 году) и Войдаты одно и тоже лицо!

На стр. 137-й г. Леонтовичъ полемизируетъ съ Вольфомъ, который въ своей книгѣ *Ród Gedimina* отнесъ начало владѣнія королевы Боны Пинскомъ къ 1523 году. Г. Вольфъ основывался на документальныхъ данныхъ, сохранившихся въ „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣриныхъ“ ³⁾; но г. Леонтовичъ нашелъ, что онъ воспользовался не всѣми этими данными. „Сохранились, — говоритъ онъ, — двѣ грамоты королевы Боны, данная ею въ качествѣ „господарни“ Пинскаго княжества раньше привилей 1523 года. Одна грамота послана королевой изъ Кракова еще въ октябрѣ 1520 года „державцы нашому князю Ивалу Михайловичу“ о назначеніи Богданца на его отцовскій приходъ Пинской церкви св. Юрія, вмѣсто попа, опредѣленнаго раньше княземъ Ярославичемъ (Ревизія пущъ, стр. 252). Другою грамотою 23-го февраля 1522 года королева Бона заявляетъ: „была намъ боярыня наша пинская Анна Василевская и просила, збыхмо ей съ ласки наше на хлѣбокормленье дали двѣ дворища съ повѣтъ нашомъ Пинскомъ... которые дворища мужъ ее небожчыкъ Василевскій за листомъ нашимъ до воли и ласки наше держалъ, и на нихъ ее отумеръ, на которыхъ она до сего часу спокойне

¹⁾ Ср., напримѣръ, стр. 48 и 49 его книги со всѣми примѣчаніями со стр. 45 и 50 книги г. Вольфа *Ród Gedimina* съ примѣчаніями.

²⁾ Ср. М. Доснара-Запольскаю, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія, стр. 131—133. Кіевъ 1891.

³⁾ *Ród Gedimina*, str. 112, nota 1.

сѣживала⁴; королева дала ей имѣніе мужа „до воли и ласки нашею господарское (ibid., стр. 242)“. Изъ этихъ грамотъ, указанныхъ г. Леонтовичемъ, только вторая дѣйствительно отодвигаетъ начало владѣнія королевы Пинскомъ на болѣе раннее время по сравненію съ опредѣленіемъ г. Вольфа. Что касается первой грамоты, то г. Леонтовичъ слишкомъ уже положился на правильность ея печатнаго текста. Дѣло въ томъ, что она помѣчена 12 индикта, который падаетъ не на 1520, а на 1524 годъ (по сентябрьскому счисленію). Очевидно, въ подлинномъ актѣ стояло первоначально „подъ лѣты Божого Нароженья 1520 и 4, мѣсеца октября 8 день, индиктъ 12“, а затѣмъ 4 (буква д) стерлось и потому въ копию ревизіи попала только 1520. Быть можетъ здѣсь и простой недосмотръ лица, списывавшаго акты ревизіи. Во всякомъ случаѣ г. Леонтовичу слѣдовало бы внимательнѣе отнестись къ несоотвѣтствію хронологическихъ датъ, и тогда онъ не сталъ бы утверждать, что королева Бона получила Пинскъ во владѣніе будто бы еще при жизни князя Ярославича, а князь Ярославичъ (правильнѣе было бы писать: Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославича) сведенъ былъ на нѣсколько волостей, данныхъ ему ради „хлѣбокормленья“¹). Чтобы утверждать это, недостаточно было сослаться на грамоты королевы, надо было объяснить еще, почему князь Ѳеодоръ Ивановичъ, получивъ отъ короля Сигизмунда въ 1509 году привилей на владѣніе Пинскомъ „до живота“, вопреки этой гарантіи лишень былъ Пинска. Еслибы г. Леонтовичъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, онъ, быть можетъ, подозрительнѣе отнесся бы къ вышеупомянутой грамотѣ якобы 1520 года и нашелъ бы, что королева Бона вступила во владѣніе Пинскомъ не при жизни, а по смерти князя Ѳеодора Ивановича Ярославича (умеръ въ 1521 г.). За одно нужно благодарить г. Леонтовича въ данномъ случаѣ—это за указаніе на грамоту 1522 г. Эта грамота наводитъ на мысль, что Пинскъ отданъ былъ королевѣ Бонѣ ранѣе выдачи ей формальнаго привилея (въ 1524 году) на это княжество. Въ этомъ смыслѣ авторъ настоящихъ замѣтокъ и желалъ бы исправить то, что сказано

¹) Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 137, 138. Г. Леонтовичъ смѣло ставитъ „хлѣбокормленіа“ въ кавычкахъ, хотя и не излекъ это выраженіе прямо изъ документа. Почему же онъ такъ немилостивъ къ автору настоящихъ замѣтокъ, который позволилъ себѣ поставить выраженіе „въ кормленіа“ также въ кавычкахъ, примѣнявъ его предположительно къ Любарту, что и оговорилъ прямо? См. стр. 218, 219, примѣчаніе 4-е. Ср. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства, стр. 39.

на стр. 25-й его книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

На стр. 140-й, въ примѣчаніи 3, г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Городенъ въ Полѣсѣ въ первой половинѣ XVI столѣтія вмѣстѣ съ Пинскомъ принадлежалъ къ владѣніямъ королевы Боны. Въ доказательство онъ ссылается на акты, помѣщенные на стр. 174 и 179 „Ревизіи пуцъ и переходовъ звѣриныхъ“. На самомъ же дѣлѣ эти акты относятся вовсе не къ Городну полѣсскому, а къ Городну на Нѣманѣ, который королева Бона получила около 1540 г. ¹⁾ Въ повѣтъ именно этого Городна лежали волости: Кринки, Жорославка, Молявица, Квасовка, о которыхъ упоминаютъ указываемые г. Леонтовичемъ акты ²⁾. И вообще весь этотъ „реестръ покладанья листовъ и привилеевъ пановъ, земянъ, шляхты и бояръ повѣту Городенскаго“, напечатанный въ „Ревизіи пуцъ и переходовъ звѣриныхъ“ съ 171 стр., относится къ повѣту Городенскому на Нѣманѣ, а не къ Городну въ бассейнѣ Припети, какъ думаетъ г. Леонтовичъ, и ни въ какомъ случаѣ, слѣдовательно, не доказываетъ его утвержденія, что Городенъ Полѣсскій входилъ въ составъ Пинскаго княжества королевы Боны. Этотъ Городенъ (или Городно) принадлежалъ къ составу Луцкаго повѣта Волынской земли ³⁾.

На стр. 142 и 143 г. Леонтовичъ утверждаетъ, что вдова Свиригелла—Анна жива была еще въ 1492 году, и въ доказательство указываетъ на одну изъ ея записей, относящуюся будто бы къ 1492 г. (напечатана на 330 стр. „Ревизіи пуцъ и переходовъ звѣриныхъ“). Запись эта дѣйствительно помѣчена такъ: „День 15 декабря, въ лѣто по семой тысящы, индикта 7“. Но развѣ можно было принимать эту дату безпрекословно и, основываясь на ней, опровергать утвержденіе Вольфа, что княгиня Анна умерла до 1486 года? Вѣдь въ 1492 году былъ не седьмой индиктъ, а десятый. Г. Леонтовичъ совершенно не хочетъ знать того, что называется критикою источниковъ, но предпочитаетъ, натолкнувшись на противорѣчія, обходить ихъ разными неудачными предположеніями. Такъ онъ поступилъ и въ данномъ случаѣ, встрѣтивъ грамоты короля и князя Ивана Васильевича Ярославича, относящіеся къ Городку и писанныя ранѣе

¹⁾ *Starożytna Polska* IV, 302; Акты Виленской Археологической Комиссіи I, отд. 2-е, № 1.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства, стр. 175, 177, 178, 179.

³⁾ *Ibidem.*, стр. 224, 225.

1492 года, когда, по его мнѣнію, княгиня Анна была еще жива. „Можно думать,—говоритъ онъ,—что Городокъ еще при жизни княгини Анны отошелъ въ распоряженіе короля; за ней остались только нѣкоторыя волости въ значеніи „глубококормленья до живота“¹⁾. При жизни же княгини Анны (около 1492 г.) Городецкое княженіе было пожаловано королемъ Казиміромъ выходцу изъ Москвы князю Ивану Васильевичу Ярославича (сыну удѣльнаго князя Боровского, Василья Ярославича), получившему во владѣніе, кромѣ Городка Давидова, также Клецкъ и Рогачевъ“. Напрасно г. Леонтовичъ все это написалъ. Грамоты княгини Анны напечатаны въ такомъ видѣ, что строить на ихъ хронологическихъ датахъ какія-либо предположенія, а тѣмъ болѣе возраженія—невозможно. Напримѣръ, одна изъ нихъ, напечатанная на 358-й стр. „Ревизіи“ датирована такъ: „Данъ въ Городцу. Октября 1 день, въ лѣто по шестой тысячѣ, индикта 10“. Неужели г. Леонтовичъ станетъ на основаніи этого доказывать, что княгиня Анна жила въ 1492 году? Предположимъ, что тутъ ошибка, что надо читать „по семой тысящѣ“ (тогда и индиктъ совпадаетъ); но какъ же помирить тотъ фактъ, что княгиня выдаетъ грамоту въ Городкѣ, съ тѣмъ, что говоритъ г. Леонтовичъ объ отобраніи у нея Городка? Г. Вольфъ неопровержимо доказалъ, что княгиня Анна уже не жила въ 1486 году, ибо отъ этого года дошелъ подтвердительный привилей короля Казимира, выданный Богдану Волчковичу²⁾ на имѣнье Привередовъ, выслуженное имъ „на *небожцѣхъ* княгини Шветригайлвоѣ“. Г. Леонтовичъ не хотѣлъ этого признать и указалъ на то, что подтвердительный привилей короля Казимира помѣченъ однимъ 4 индикта, безъ указанія года; слѣдовательно-де это могъ быть и другой годъ. Прекрасно; но какой-же годъ? Въ интересахъ г. Леонтовича указывать или 1501, или 1506-й годъ; но врядъ-ли онъ согласится продолжать настолько бытіе княгини Анны. Вольфъ, когда переводилъ 4-й индиктъ на 1486-й годъ имѣлъ свои основанія, и основанія болѣе вѣскія, чѣмъ Данцловичъ, помѣтившій грамоту княгини Анны 1398 г., когда ее и въ живыхъ не было, и издатели Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, помѣстившіе гра-

¹⁾ Опять въ кавычкахъ слова, не взятые изъ документовъ.

²⁾ Вольфъ по недосмотру вмѣсто Богдана Волчковича поставилъ ключника луцкаго Андрушка Федьковича. Имѣнье подтверждено было Богдану Волчковичу, но привилей былъ выданъ ему въ формѣ завѣщенія ключника луцкаго, въ повѣтъ котораго находился Привередовъ („подъ Мымскимъ повѣтомъ“). Акты Зап. Россіи I, № 59. Литов. Метр. кн. запис. IV, л. 123.

моту подъ 1456—1472 г., ибо эта грамота вписана въ книгѣ Литовской Метрики между документами 1482—1491 г. ¹⁾). Но г. Леонтовичъ не захотѣлъ разбираться во всемъ этомъ и предпочелъ поставить въ параллель утвержденію г. Вольфа дату Дапиловича, не смотря на то, что эта послѣдняя представляетъ бьющій въ глаза анахронизмъ (на той же самой страницѣ г. Леонтовичъ констатировалъ, что княгиня Анна вышла замужъ въ 1431 году).

На стр. 144 встрѣчаемъ у г. Леонтовича новую путаницу, происшедшую отъ слишкомъ бѣлаго и невнимательнаго просмотра (чтенія—не могу сказать) источниковъ. „Какъ видно изъ современныхъ актовъ,—говоритъ г. Леонтовичъ,—князь Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославичъ еще при жизни (sic!) былъ устраненъ отъ управленія Городецкою волостью: во второй половинѣ 1520 года Городецъ Давидовъ находится уже въ непосредственномъ владѣніи короля Сигизмунда, распоряжавшагося Городецкою волостью чрезъ назначенныхъ имъ старостъ-намѣстниковъ. Грамоты Сигизмунда I по управленію всею Городецкою волостью доходятъ до 1523 года. Въ слѣдующемъ году „господарыней“ Городецка съ тянувшими къ нему волостями становится королева Бона, послѣдняя Городецкая княгиня“. — Обращаясь къ актамъ, на которые ссылается г. Леонтовичъ въ доказательство того, что Городецъ со второй половины 1520 года былъ уже въ непосредственномъ владѣніи Сигизмунда, мы встрѣчаемъ прежде всего грамоты, относящіяся къ *повѣту Городенскому на Нѣманъ*, а не къ Городецкому княжеству ²⁾). Это—грамоты изъ того же „регистра“, о которомъ я упомянулъ выше, и который здѣсь продолжалъ вводить въ заблужденіе г. Леонтовича. Упоминаемый въ нихъ староста панъ Станиславъ Петровичъ былъ не кто иной, какъ староста Городна на Нѣманѣ ³⁾). Одна изъ указываемыхъ г. Леонтовичемъ грамотъ, судя по индикту, относится къ 1521 году, а другая къ 1512 году ⁴⁾). Почтенный профессоръ не останавливался надъ такими мелочами и смѣло распространялся объ отнятіи владѣній у князя Ѳеодора Ивановича Ярославича еще при его жизни. Другія грамоты, на которыя

¹⁾ С. Л. Пташицкаю, Описание книгъ и документовъ Литовской Метрики, С.-Пб. 1887, стр. 81.

²⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 178, 184, 185.

³⁾ *Wolffa*, Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 168; *М. Любавскаю*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 175, 176, 178.

⁴⁾ Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 178, 185.

сослался г. Леонтовичъ, дѣйствительно относится къ Городецкому княжеству и указываютъ на непосредственное владѣніе имъ короля Сигизмунда, но самыя раннія изъ нихъ—1522 года: одна помѣчена „іюля 15-ый день, индиктъ 10“, а другая—„мая 16-й день, индиктъ 10“¹⁾. Изъ этого видно, что князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ не имѣлъ несчастья при жизни лишиться своихъ владѣній, какъ не имѣла этого несчастья и вдова Свидригелла.

Королева Бона, по мнѣнію г. Леонтовича, не сразу вступила во владѣніе Городецкимъ княжествомъ. „Изъ сопоставленія датъ послѣднихъ (по времени) грамотъ Сигизмунда I по управленію Городецкою полостью и первыхъ грамотъ королевы Боны выходитъ, что въ промежутокъ времени отъ 1524 до 1528 года (включительно) Городекъ съ волостями управлялся одновременно Сигизмундомъ I и королевой Боной. Первому принадлежать отъ этого времени двѣ грамоты: 1525 и 1528 года (Ревизія, 171 и 173; быть можетъ сюда относится также грамота на стр. 350). Тому же времени принадлежать пять грамотъ королевы Боны (ibid., 337, 339, 345, 356). Обстоятельство это мы объясняемъ въ такомъ смыслѣ, что первоначально королева Бона получила въ управленіе Городецкое княжество въ неполномъ составѣ,— часть волостей оставалась въ непосредственномъ распоряженіи Сигизмунда I. Съ 1529 года Бона стала владѣть Городецкимъ княжествомъ въ полномъ его составѣ“²⁾.—Итъ, не съ 1529 года королева Бона стала владѣть Городецкимъ княжествомъ въ полномъ составѣ, а съ 1522 или 1523 года, какъ только получила Городекъ отъ мужа. Грамоты, упоминаемыя г. Леонтовичемъ, относятся опять-таки не къ Городецкому княжеству, а къ *Городенскому повѣту*, при чемъ одна изъ нихъ (напечатанная на стр. 173 „Ревизіи“) выдана не Сигизмундомъ, а королемъ Казимиромъ, а слѣдовательно и не въ 1528 году. Грамота же 1528 года относится даже и не къ Городенскому повѣту, а къ Ожскому, который въ 1528 году еще не входилъ въ составъ Городенскаго повѣта, а былъ особою державою въ повѣтѣ Троицкомъ³⁾. Грамота Сигизмунда, напечатанная на 350, 351 стр. „Ревизіи“ дѣйствительно относится къ Городецкому княжеству, но выдана она 16-го мая 1522 года, а слѣдовательно не подтверждаетъ предполо-

¹⁾ Ibidem, стр. 339, 350.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 144, прим. 4.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 155, 156.

женіе г. Леонтовича, что будто бы Сигизмундъ и Бона совмѣстно правили въ Городкѣ.

Съ такимъ же вниманіемъ, какъ источники, читаль иногда г. Леонтовичъ и чужіе труды. На стр. 175 онъ говоритъ между прочимъ: „Такимъ образомъ, города Мценскъ и *Любутскъ*, принадлежавшіе въ старое время къ княжеству Карачевскому, уже въ первой половинѣ XV столѣтія управлялись великокняжескими намѣстниками“. Въ доказательство онъ ссылается на мою книгу, стр. 51—52. Но развѣ я говорилъ тамъ, что Любутскъ принадлежалъ къ Карачевскому удѣлу? Напротивъ, на стр. 52, я высказалъ предположеніе, что Любутскъ принадлежалъ прежде къ рязанскимъ владѣніямъ и былъ отторгнутъ отъ нихъ либо Ольгердомъ, либо Витовтомъ во время борьбы съ Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ.

На стр. 197, говоря о судьбѣ Любеча, г. Леонтовичъ утверждаетъ, что Любечъ по смерти князя Василья Михайловича Верейскаго перешелъ къ дочери его, бывшей замужемъ за Гаштольдомъ; за послѣднимъ Любечъ признанъ былъ сначала въ качествѣ простаго „держанія“, а въ 1516 г. пожалованъ на вѣчность. Но въ моей книгѣ, которою пользовался почтенный профессоръ, прямо сказано, что Любечъ въ 1503—1508 гг. принадлежалъ Москвѣ, а по возвращеніи отъ Москвы былъ отданъ *въ держанье* пану Юрью Михайловичу Монттовтовичу, а въ 1516 году на вѣчность пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду „подлѣ данины цтю его“¹⁾.

На стр. 244, въ прим. 1, г. Леонтовичъ выводитъ князей Велицкихъ изъ какой-то Велички (это не подъ Краковомъ ли?). У г. Бонецкаго г. Леонтовичъ могъ бы найти болѣе правильное названіе родоваго гнѣзда этихъ князей—Велицкъ(о), а не Величка²⁾.

Историко-географическія сообщенія г. Леонтовича подчасъ удивляютъ своею оригинальностью. Такъ рѣзко разнятся они отъ того, что можно найти въ книгахъ которыми онъ пользовался.

На стр. 249 онъ сообщаетъ, что королева Боша, взявъ у князя Василья Михайловича Сапгушковича (съ его согласіемъ) Ковель, дала ему взаменъ „принадлежавшія ей владѣнія въ *Минскомъ повѣтъ*—Смоляны, Обольце и Горволъ“. Смоляны или Смоляны, равно Обольцы, никогда не находились въ Минскомъ повѣтѣ. До областного разгра-

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 244.

²⁾ *Poczet rodów*, str. 366.

ниченія 1564—1566 гг. Обольцы были, по всѣмъ даннымъ, въ Виленскомъ повѣтѣ, а Смолняны въ Рошскомъ повѣтѣ Витебской земли; со времени же новаго областного разграниченія и Обольцы вошли въ составъ этого послѣдняго ¹⁾. Что касается Горволя, то это была одна изъ Подлѣпскихъ волостей, тянувшихъ къ Трокамъ ²⁾; со времени же областного разграниченія 1564—1566 гг. Горволь входила въ составъ Рѣчицкаго повѣта Минскаго воеводства ³⁾.

На стр. 257 и 259 читаемъ у г. Леонтовича: „Въ половинѣ XV столѣтія (около 1459 г.) къ владѣніямъ князей Чарторыйскихъ присоединяется по пожалованію Казимира обширная волость (къ востоку отъ Луцка) Клевань (на р. Стубель, притокъ Горыни) съ цѣлымъ рядомъ пригородовъ и другихъ поселеній (Шересопница, Жуковъ, Житань, Бубновъ и др.)“⁴⁾. Въ своей книгѣ я привелъ данныя источниковъ, указывающія, на то, что Жуковъ въ началѣ XVI вѣка не принадлежалъ князьямъ Чарторыйскимъ (въ 1516 г. онъ пожалованъ былъ пану Богушу Боговитиновичу) ⁵⁾. Что касается Клевани, то часть Клеванщины была пожалована князю Михаилу Чарторыйскому еще Свидригелломъ въ 1446 году ⁶⁾. Пожалованье Казимира было ни чѣмъ инымъ, какъ только подтвержденіемъ дарственной записи Свидригелла на часть Клеванщины, а не на всю Клевань, ибо еще въ началѣ XVI вѣка король Александръ раздавалъ имѣнія въ Клеванской волости разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и князьямъ Чарторыйскимъ ⁷⁾.

На стр. 258 г. Леонтовичъ сообщаетъ, что въ 1446 году князю Михаилу Чарторыйскому пожалована была въ Подляхін часть Клещеля (правильнѣе было бы сказать: Клещелязей) съ волостью. Мы не знаемъ, откуда взялъ онъ это извѣстіе, потому что ни у Вольфа, ни въ *Starożytna Polska*, на которыхъ онъ ссылается, объ этомъ ничего не говорится. Очевидно, почтенный профессоръ мелькомъ взглянувъ на 99 страницу труда г. Вольфа и попавъ глазами на „*szczęś*

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 124, 125, 251, 252.

²⁾ *Ibidem*, стр. 166.

³⁾ *Starożytna Polska* IV, 694. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ VII, л. 203.

⁴⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 216, 217.

⁵⁾ *Wolffa*, *Ród Gedimina*, str. 99.

⁶⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 217.

Кіеваѣнску⁴ прочиталъ эти слова неправильно. Благодаря этому мы имѣемъ новую мноючискую подробность о князьяхъ Чарторыйскихъ. Замѣчательно, что онъ ссылается при этомъ, кромѣ Вольфа, еще на 422 страницу *Starożytna Polska*. Но тамъ напечатанъ привилей, выданный королемъ Сигизмундомъ въ 1523 году мѣстечку Клещелязямъ, въ которомъ читаемъ: „што есмо перво сего розказали воеводѣ Виленскому канцлеру нашему, небожчику пану Миколак Миколаевичу мѣсто на насъ садити у Клещелезѣхъ на земли Бѣльскаго повѣта“ и т. д. Очевидно, г. профессоръ отыскалъ только страницу, гдѣ въ *Starożytna Polska* находятся сообщенія о Клещелязяхъ и не прочиталъ самихъ сообщеній.

„Послѣ возвращенія изъ Москвы, — говоритъ г. Леонтовичъ, — князь Александръ Васильевичъ Чарторыйскій получилъ привилей на обширную область (sic!) въ Бѣлоруссіи (въ Минской землѣ)—Логойскъ, *Осташинъ*, *Споровъ* и Каменецъ (Литовскій)“. Но развѣ Осташинъ и Споровъ находились въ Минской землѣ? Вѣдь эти волости составляли часть Новгородскаго повѣта, о чемъ г. Леонтовичъ могъ бы узнать изъ документальныхъ указаній моей книги ¹⁾.

На стр. 317, въ примѣчаніи, г. Леонтовичъ доказываетъ, что слово „повѣтъ“ не заимствовано Литовскою Русью у Польши, такъ какъ употреблялось и до 1387 года: „Отъ 1383 года ²⁾ сохранилась жалованная грамота Витовта Василю Карачевскому о предоставленіи ему права „садити село Княжую Луку на сиромъ корени, у Подольской землѣ, у Каменекомъ повѣтѣ“.—Но развѣ можетъ быть такая грамота Витовта отъ 1383 г.? Вѣдь Витовтъ, по собственному признанію г. Леонтовича, взялъ себѣ Подольскую землю только въ 1393 году, а до этого времени въ ней распоряжались на полныхъ правахъ удѣльныхъ князей Коріатовичи ³⁾. Правда грамота эта, писанная отъ имени великаго князя Витовта, датирована „лѣта отъ Рождества Христова тысячного трисотного осмьдесятого третего“. Но это, очевидно, ошибка списка грамоты, въ подлинномъ видѣ, повидимому, не дошедшей ⁴⁾.

На стр. 351, въ прим. 1, читаемъ у г. Леонтовича: „Въ 1449 году король Владиславъ далъ въ доживотье пану Бучацкому замки: Ка-

¹⁾ Ibidem, стр. 114, 128, 129.

²⁾ Курсивъ г. Леонтовича.

³⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 370, 371.

⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 6.

рауль на Днѣстрѣ. Чорный городъ при его устьи и Качибей". Мы сочли бы приведенную здѣсь хронологическую дату за простую не-усмотрѣнную опечатку, если бы ранѣе не встрѣчали примѣровъ, какъ вольно обходится съ хронологіею г. Леонтовичъ. Спрашивается: какой же Владиславъ пожаловалъ Буцацкому замки, Владиславъ II или Владиславъ III, не жившіе уже въ 1449 году, или Владиславъ IV, родившійся въ 1595 году?

Оставляемъ въ сторонѣ другіе промахи г. Леонтовича, такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о томъ, съ какою тщательностью, съ какимъ вниманіемъ и критикою матеріала составлялась его книга, и какъ осторожно нужно ея пользоваться. Не можемъ обойти молчаніемъ извращенія множества географическихъ и личныхъ именъ, отчасти перешедшаго въ книгу г. Леонтовича изъ польскихъ сочиненій, отчасти произведеннаго самимъ г. Леонтовичемъ. Онъ вездѣ говоритъ о Радзивилахъ, тогда какъ для того времени правильнѣе было бы называть ихъ Радивилами или Радивловичами. Но это еще небольшая вина. Но нельзя называть волость Демену Демяномъ, рѣку Высу — Васою, волость Алоповъ или Олоповъ — Оленовымъ (стр. 120, прим. 2); нельзя князей Путятичей называть Пуцятами, князей Коркодиновъ или Коркодиновичей — Коркординами, князей Жижемскихъ — Зиземскими (стр. 121, прим. 1), городъ Остеръ Киевской земли — Островомъ (стр. 196) и т. д., и т. д. Г. Леонтовичъ до такой степени проникся польскимъ словоупотребленіемъ, что толкуетъ вездѣ о „коронныхъ“ владѣніяхъ великихъ князей Литовскихъ и даже объ ихъ „крулевщизнахъ“ (стр. 51, прим. 4), тогда какъ въ актахъ есть собственное русское названіе для такихъ имѣній — „господарскія“. Но въ томъ-то и бѣда, что акты, документы не оживляли представленій г. Леонтовича о литовско-русской старинѣ, не читали и его рѣчи. Онъ ссылается на нихъ большею частью по чужимъ указаніямъ, не читая ихъ или же только бѣгло просматривая.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору книги г. Леонтовича, считаю долгомъ поблагодарить его за указаніе на промахи въ моей книгѣ по поводу князя Юрія II и его жены. Еггге hushа... Не думаю только, что моя книга много потеряла отъ этихъ промаховъ: князь Юрій II и его жена въ этой книгѣ побочная подробность... Г. Леонтовича я долженъ поблагодарить за то, что онъ далъ мнѣ случай исправить, хотя и поздно, — но лучше, чѣмъ никогда, — досадный недосмотръ относительно королевы Ядвиги. Признаю за

тѣмъ, что г. Леонтовичъ болѣе правильно, чѣмъ я, установилъ дату смерти Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича. отнеся ея согласно съ Вольфомъ къ 1489, а не къ 1495 году ¹⁾). На стр. 322 книги г. Леонтовича со словъ Вольфа даны свѣдѣнія, которыя восполняютъ одинъ пропускъ въ моей книгѣ, именно, что съ 1392 по 1396 годъ Кременецкимъ удѣломъ владѣлъ Скиргелло въ силу пожалованья Ягелло и Витовта ²⁾). Примѣчаніе 4 на стр. 329 книги г. Леонтовича обнаружило крупный пропускъ, допущенный въ моей книгѣ и отразившійся на ея картѣ; я упустилъ изъ виду, что „Ратно и Любомль то было великаго князства и взято (Польшей) за короля Казимера“. По сравненію съ моей книгой книга г. Леонтовича вообще даетъ гораздо болѣе свѣдѣній о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ, и при всей своей неудовлетворительности въ смыслѣ очерка права, при всей своей несамостоятельности, она могла бы быть научною полезностью въ качествѣ справочной книги о князьяхъ и ихъ владѣніяхъ. Къ сожалѣнію поспѣшность и невнимательность, съ какими почтенный авторъ трактовалъ свой предметъ, въ значительной степени лишили его книгу и этого значенія. Мы сочли бы свою цѣль достигнутою, если бы своими замѣтками намъ удалось хотя бы отчасти возстановить это значеніе книги г. Леонтовича, уничтоживъ для будущихъ ея читателей необходимость считаться со всѣми сообщеніями и домыслами, основанными на простомъ недоразумѣніи или же на упущеніи новыхъ данныхъ. Въ одномъ отношеніи только не можемъ помочь читателю: благодаря особому способу изложенія и особой системѣ цитатъ, г. Леонтовичъ совершенно закрылъ отъ его глазъ фундаментъ, на которомъ воздвигалъ свою ученую постройку, и тѣмъ заставилъ его чаще, чѣмъ было бы нужно, обращаться къ сочиненіямъ, которыми пользовался.

Отъ фактической стороны дѣла перейдемъ къ разнымъ разсужденіямъ г. Леонтовича. Почтенный профессоръ въ общемъ совершенно правильно объясняетъ образованіе Литовско-Русскаго государства, и мы прочли страницы его книги, посвященныя этому вопросу, съ истиннымъ удовольствіемъ. Не завоеваніе, не насліе были главнымъ факторомъ образованія Литовскаго государства, а „пріязнь“, въ которую входили литовскіе князья съ населеніемъ разныхъ русскихъ земель и

---

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 115; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 14.

²⁾ Срав. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 40.

княжествъ, тяготѣвшихъ къ Литвѣ по инстинкту самосохраненія видѣвшихъ въ ней избавителей отъ татаръ. Жаль только, что г. Леонтовичъ впалъ при этомъ въ нѣкоторую утрировку и не хотѣлъ допустить, чтобы и сила оружія что-нибудь тутъ да значила ¹⁾). Въ человѣческихъ дѣлахъ ничто не совершается просто и гладко, такъ сказать, прямолинейно. Помимо „пріязни“ съ русскимъ населеніемъ литовскіе князья дѣйствовали иногда и силою оружія, и нѣкоторыя русскія княжества и владѣнія, какъ, напримѣръ, Поддѣбирскія волости. Мстиславль, Торонецъ, Ржева, Любутскъ и т. д. завоеваны были Литвою ²⁾). Это тѣмъ легче могло произойти, что политически нѣкоторыя части западной Руси слишкомъ разбѣлись, слишкомъ измельчали, а Литва съ теченіемъ времени усилилась и своими и русскими колонистами и присоединеніемъ западно-русскихъ земель. Что западная Русь была объектомъ не только политики, но и добычи литовскихъ князей, на это какъ нельзя лучше указываетъ договоръ Ольгерда съ Кейстутомъ *дѣлитъ пополамъ* все, что ни придобудутъ.

На стр. 34, въ прим. 2 г. Леонтовичъ слишкомъ односторонне объясняетъ причину паденія удѣльной системы въ Литовско-Русскомъ государствѣ. „Удѣльная система, — по его словамъ, — пала въ Литовской Руси не въ силу ясно сознаннаго принципа государственнаго единодержавія, не подъ вліяніемъ объединительной политики литовскихъ государей, но подъ давленіемъ сословныхъ интересовъ. Удѣлы князей шли въ разрѣзъ съ стремленіемъ магнатовъ превратить государство въ сплошную сѣть староствъ и державствъ, сперва пожизненныхъ владѣній пановъ, а затѣмъ ихъ наследственныхъ вотчинъ, немногимъ отличавшихся отъ старыхъ княжескихъ удѣловъ“. — Справедливо, что уничтоженіе удѣловъ было въ интересахъ литовскихъ магнатовъ, которые могли связывать съ нимъ надежды на полученіе новыхъ „держаній“ и даже имѣній; и мы знаемъ примѣры участія магнатовъ въ уничтоженіи удѣловъ. Но развѣ самъ государь не имѣлъ въ томъ же свой собственный интересъ, и даже болѣе настоятельный, чѣмъ интересы пановъ? Вѣдь большая часть доходовъ съ волостей, которыя онъ раздавалъ своимъ панамъ въ держаніе, шла въ XV и первой половинѣ XVI вѣка еще въ его пользу, не говоря уже о разныхъ политическихъ выгодахъ и удобствахъ единодержавія. Г. Ле-

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 20—30.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 12—15, 83, 34 и др.

онтовичъ, называя староства и державства въ эпоху паденія удѣльной системы „пожизненными владѣніями“, допускаетъ вопіющій анахронизмъ, тѣмъ болѣе странный, что акты XV и XVI столѣтія ему небезызвѣстны по прежнимъ его работамъ, а въ этихъ актахъ онъ могъ бы найти бездну указаній на дѣйствительное значеніе староствъ и державствъ за это время. Въ эпоху паденія удѣльной системы староства и державства въ Литовско-Русскомъ государствѣ были еще древне-русскими намѣстничествами и тивунствами, дававшими на неопредѣленное время, иногда пожизненно, иногда по годамъ, но характера „владѣній“ еще не носили. Доходы съ нихъ большею частью шли на господаря ¹⁾).

Говоря о княжествахъ, г. Леонтовичъ сообщаетъ, что такое-то княжество было удѣльнымъ и удержало этотъ характеръ до такого-то времени, другое утратило или приобрѣло его. Эти сообщенія сплошь и рядомъ являются произвольными догадками, ни на чемъ не основанными. Выше былъ приведенъ примѣръ относительно мнимыхъ князей Биржанскихъ-Радзивиловъ. На стр. 76 г. Леонтовичъ говоритъ: „Старое удѣльное значеніе Крошина восстанавливается въ 1499 году, когда этотъ господарскій дворъ былъ пожалованъ великимъ княземъ Александромъ кievскому воеводѣ князю Дмитрію Путятичу“. По откуда же видно, что старое удѣльное значеніе Крошина восстановилось? Въ книгѣ Бонецкаго, на которую сослался г. Леонтовичъ, сказано только, что Крошинъ былъ пожалованъ князю Дмитрію Путятичу, и ничего болѣе. Но, быть можетъ, онъ пожалованъ былъ, какъ простое имѣніе, съ обязанностью нести съ него земскую службу паравпѣ съ мѣстными боярами? Вѣдь высказываетъ же подобное мнѣніе г. Леонтовичъ о князьяхъ Гедройскихъ (стр. 44). Упомянувъ объ отобраніи Витовтомъ у князей Гедройскихъ удѣла, онъ говоритъ: „За Гедройскими князьями остались только волости, составлявшія раньше удѣлы *Goigtis* и *Kulwa*, но безъ старыхъ владѣтельныхъ правъ. Часть отобранныхъ владѣній возвращена Гедройскимъ великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ (около 1440 года) въ значеніи жалованныхъ вотчинъ (то-есть, подъ условіемъ земской службы, лежавшей на мѣстной шляхтѣ)“. На чемъ опять основаны всѣ эти сообщенія, совершенно неизвѣстно. На стр. 75 читаемъ у г. Леонтовича: „на старомъ удѣльномъ положеніи князя Свирскіе

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ третьемъ очеркѣ книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

упоминаются еще въ XVI столѣтіи⁴. Но ниже, на стр. 50, г. Леонтовичъ уже говоритъ: „Княжества: Лошское, Виржанское, *Свирское* и Трабское, а также удѣлы князей Довговдовичей и другихъ мелкихъ удѣльныхъ владѣльцевъ утрачиваютъ удѣльный характеръ къ концу XV столѣтія“. Говоря о выслугахъ и купляхъ князей Збаражскихъ и Вишневецкихъ въ XVI и XVII вѣкахъ, г. Леонтовичъ сообщаетъ: „Но всѣ эти выслуги и купленны принадлежали князьямъ Вишневецкимъ и Збаражскимъ на простомъ вотчинномъ правѣ, безъ стараго удѣльнаго значенія (стр. 330, 331)⁴. Но выше, на стр. 199, о тѣхъ же князьяхъ Вишневецкихъ онъ говоритъ: „Въ XVI и XVII столѣтіяхъ самыми крупными магнатами-владѣльцами въ Кіевщинѣ являются Волинскіе князья — *Ружинскіе* и особенно *Вишневецкіе*. Своими обширными помѣстьями они владѣли чуть ли не на такомъ же обособленномъ положеніи, какъ и старые удѣльные князья, именно внѣ всякой административной зависимости отъ господарскихъ наместниковъ старостъ“. По временамъ г. Леонтовичъ совершенно забываетъ о различіи между удѣльными и служебными князьями и называетъ послѣднихъ удѣльными, какъ это мы видѣли на примѣрѣ мнскихъ князей.

Г. Леонтовичъ пытается не разъ характеризовать удѣльныхъ литовско-русскихъ князей и отрицательными, и положительными признаками. Но эти характеристики мало ему удаются и совѣмъ не отличаются тою строгостью, точностью и опредѣленностью, какихъ мы вправѣ ожидать отъ историка-юриста. Такъ, удѣльныхъ князей онъ отличаетъ отъ служилыхъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что послѣдніе владѣли своими имѣніями на простомъ вотчинномъ правѣ, то-есть, служили съ нимъ земскую службу наравнѣ съ мѣстными боярами¹⁾. Но развѣ удѣльные князья не обязаны были нести земскую службу, то-есть, являться на войну съ своими боярами и слугами? При королѣ Сигизмундѣ удѣльные князья совершенно сравнены были въ отношеніи отбыванія военной службы съ другими землевладѣльцами, въ томъ числѣ и боярами, то-есть обязаны были выѣзжать съ извѣстнымъ „почтомъ“ сообразно количеству имѣющихся въ ихъ владѣніяхъ крестьянскихъ службъ²⁾. Но, быть можетъ, въ XV вѣкѣ они служили иначе, чѣмъ простые бояре? Быть можетъ;

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 44.

²⁾ Сравн. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 549, 550, 843—865, ХСV.

но въ такомъ случаѣ надо эту разницу показать документально или хотя бы предположительно, а не отдѣлываться общою фразою, не поселяющею въ умѣ читателя никакого представленія.

На стр. 46, говоря о князьяхъ Гольшанскихъ, г. Леонтовичъ указываетъ на то, что первый князь изъ этого рода по своимъ владѣтельнымъ правамъ ничѣмъ не отличается отъ удѣльныхъ князей Гедиминовичей. „Наравнѣ съ послѣдними,—говоритъ г. Леонтовичъ, онъ участвуетъ въ дипломатическихъ договорахъ великихъ князей съ нѣмцами, скрѣпляетъ ихъ своею подписью; подобно всѣмъ литовскимъ князьямъ, онъ даетъ присягу вѣрности (*homagium*) королю Владиславу-Ягеллѣ, обязуется „не отлучаться отъ короны польской со всѣми имѣньями, съ городами, съ мѣстами и съ земли“, даетъ въ качествѣ удѣльнаго князя жалованныя грамоты на земли монастырямъ (Кіево-Печерской Лаврѣ); послѣ Скиргайлы ему ввѣряется управленіе Кіевскимъ удѣломъ чуть ли не на правахъ удѣльнаго князя; наконецъ, онъ роднится съ Ягеллонами; его дочь выходитъ замужъ за Витовта“. Здѣсь наговорено много такого, что вовсе не свидѣтельствуется о какихъ-либо „владѣтельныхъ правахъ“, а о фактическомъ положеніи князя Ивана Ольгимунтовича. Князь Иванъ Ольгимунтовичъ участвовалъ въ переговорахъ съ нѣмцами не въ силу своихъ владѣтельныхъ правъ, а въ качествѣ члена великокняжеской рады, бывшаго въ данное время при великомъ князѣ, подобно тому, какъ участвовалъ въ нихъ Кимунтъ Гинвилъ, намѣстникъ Троицкій¹⁾. Еслибы это участіе обусловливалось его значеніемъ, какъ владѣтельнаго удѣльнаго князя, то почему же не участвовало въ этихъ переговорахъ множество другихъ удѣльныхъ князей? Жалованныя грамоты Кіево-Печерскому монастырю также ничѣмъ не выдѣляютъ его изъ ряда другихъ князей и владѣльцевъ. Жаловать въ монастыри могли всѣ землевладѣльцы, имѣвшіе право свободного распоряженія своими недвижимыми имуществами, князья, паны, бояре и мѣщане. Если г. Леонтовичъ хотѣлъ найти здѣсь доказательство, онъ долженъ былъ бы показать, чѣмъ могли жаловать удѣльные князья и чѣмъ не могли жаловать другіе землевладѣльцы²⁾. Что касается намѣстничества въ Кіевѣ „чуть ли не правахъ удѣльнаго князя“ и родства съ Витовтомъ, котораго г. Леонтовичъ почему-то считаетъ

¹⁾ *Scarbies dyplomatów*, № 695. Сравни. Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 198.

²⁾ Сравни. также Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 45, прим. 1.

Ягеллономъ, то я думаю, и самъ г. Леонтовичъ согласится, что это не доказательства владѣтельныхъ *правъ* удѣльнаго князя „Положеніе преемниковъ Ивана Ольгимунтовича,—продолжаетъ г. Леонтовичъ,—не измѣняется. Еще въ концѣ XV столѣтія они титулуются въ издаваемыхъ имъ актахъ князьями „Божіею милостію“, вполнѣ самостоятельно распоряжаются своимъ удѣломъ, имѣютъ своихъ бояръ—думцевъ“ и т. д.—Но мы видѣли, что Радзивиллы, получивъ княжескій титулъ отъ императора Карла V, стали величаться князьями „Божіею милостію“. Съ другой стороны, нѣкоторые князья, которыхъ г. Леонтовичъ признаетъ удѣльными, напримѣръ, Ѳеодоръ Ивановичъ Ярославича, въ своихъ грамотахъ не титулуютъ себя „Божіею милостію“¹⁾. Да и вообще это такой неуловимый признакъ, по которому нельзя различать особня *владѣтельныхъ правъ* удѣльнаго князя. Иное дѣло—утвержденіе, что удѣльные князья вполнѣ самостоятельно распоряжались своимъ удѣломъ. Но это утвержденіе въ такой общей формѣ врядъ ли годится для характеристики удѣльнаго князя. Мы имѣемъ факты вѣшателства центрального правительства во внутреннія дѣла такихъ княжествъ, которыя г. Леонтовичъ считаетъ удѣльными, напримѣръ, Пинскаго, Слуцкаго и Мстиславскаго²⁾. Что касается „бояръ-думцевъ“, то въ актахъ, на которые ссылается г. Леонтовичъ, о такихъ боярахъ Гольшанскихъ нѣтъ свѣдѣній. Въ вѣнковой записи князя Семена Юрьевича, которую онъ выдалъ жепѣ своей въ бытность на *Волини* старостою Луцкимъ. *свидѣтелями* совершенія акта (въ Ровномѣ) поименованы: владыка Луцкій, архимаандритъ Жидичинскій, городничій луцкій, нѣкоторые князья и паны волянскіе, „а бояръ нашихъ: пан Бут, а пан Тохрин, а пан Ерля, а пан Вщовскій, а пан Федко Пашковичъ“³⁾. Но эти бояре вовсе не думцы, при участіи которыхъ князь Гольшанскій правилъ въ Гольшанахъ, а слуги, которыхъ мѣстные пра-

¹⁾ См. Грамоты кн. Ѳеодора Ивановича въ Актахъ Зап. Россіи и особенно въ Ревизіи пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

²⁾ Акты Зап. Россіи, № 191; Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 304; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 614—616. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Леонтовичъ самъ признаетъ это вѣшателство (стр. 130, прим. 1).

³⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXXV. Здѣсь грамота по ошибкѣ напечатана подъ 1483, а не 1499 г. Сравн. *Wolffa*, *Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego*, str. 22.

вители брали съ собою, когда ѣхали намѣстничать, и которые занимали при нихъ разныя мелкія второстепенныя должности, выполняли ихъ разнообразныя порученія ¹⁾). Такихъ бояръ въ XV вѣкѣ имѣлъ уже почти каждый болѣе или менѣе крупный владѣлецъ, даже не носившій княжескаго титула. Въ виду всего этого для насъ остается недоказаннымъ, что положеніе преемниковъ князя Ивана Ольгимунтовича до конца XV вѣка осталось неизмѣннымъ, какъ неясно и то, что будто бы въ началѣ XVI вѣка они утратили значеніе удѣльныхъ князей, что утверждаетъ г. Леонтовичъ (и опять неизвѣстно, на какомъ основаніи).

На стр. 65, говоря о князьяхъ Кобринскихъ, г. Леонтовичъ повторяетъ тѣ же доводы относительно удѣльнаго ихъ значенія, съ тѣмъ различіемъ, что уже документально доказываетъ существованіе при нихъ бояръ-думцевъ. Но недостаточно было констатировать существованіе боярской рады; нужно было выяснитъ при этомъ и то, какую особенность создавало существованіе этой рады въ положеніи удѣльнаго князя и въ отношеніяхъ его къ великому по сравненію съ тѣми князьями, при которыхъ не было такой рады.

Нѣсколько чертъ удѣльнаго князя намѣчено и на стр. 129. „Владѣтели Пинскаго удѣла,—говоритъ г. Леонтовичъ,—имѣли значеніе такихъ же „господарей“, какъ и другіе литовскіе удѣльные князья. Въ пинскихъ привилеяхъ, изданныхъ княгинею Маріею съ дѣтьми, она постоянно титулуется „Божьею милостью“, управляетъ волостями чрезъ намѣстниковъ и другихъ урядниковъ и издаетъ привилеи и листы, главнымъ образомъ, на пожалованіе имѣній и земель своимъ служилымъ людямъ. Кромѣ того есть привилей на покунку слугой дворица у мѣщанина и на льготы отъ мѣстныхъ службъ и повинностей. Всѣ привилеи и листы пинской княгини носятъ совершенно самостоятельный характеръ; не видно, что бы требовалось утвержденіе ихъ великимъ княземъ“. Напрасно г. Леонтовичъ придалъ особенное значеніе названію „господарь“: въ той грамотѣ, на которую онъ сослался, слово это является въ общемъ смыслѣ „владѣльца“ ²⁾). Въ такомъ значеніи оно постоянно встрѣчается въ актахъ. Такъ, въ 1500 году 23-го декабря Александръ пожаловалъ мыщарю Шлякгеру нивы, сѣножати и лѣсъ „въ Ковеньскомъ повѣтѣ, въ мѣсть-

¹⁾ Подробнѣе см. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 663—667.

²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 190.

скомъ фридѣ“, „которія жъ нивы и сѣножатя и лѣсу *мѣщане* Ковеньскіи, *юсподары* тыхъ нивъ и сѣножатей и лѣсу, заставили были пану Станьку Судивоевичу пѣ пенязѣхъ“ ¹⁾ и т. д. Въ судномъ листѣ короля Александра по дѣлу королевы Елены съ паномъ Юрьемъ Ильиничемъ „о забранѣ земель и пущи двора Контягинского“ читаемъ между прочимъ: „многихъ *юсподарей* девяти волостей люди свѣтчили передъ ними (судьями, разбиравшими дѣло на мѣстѣ) въ одно слово, што жъ тая земля звѣчная пуща двора Контягинского“ ²⁾.—Что касается намѣстниковъ, то они встрѣчаются и въ крупныхъ панскихъ имѣньяхъ, не составляя особености удѣловъ ³⁾. Встрѣчаемъ и другихъ урядниковъ у пановъ, напримѣръ—подскарбія, ключника, писаря, дьяка, маршалка, городничаго и т. д. Въ записяхъ времени княженя Александра читаемъ между прочимъ: „Господарь его милость великій князь казалъ на память записать, што воеводиная Троцкая, пани Мартиновая Квашовича, дала служебнику пана Юрьеву Илиничча Шимку Иванковтовича сто копѣ грошей черезъ *подскарбею* своего Ивашка Осташковича по матцѣ Божьей перво у полторы недѣли. У Вильни, августъ 27, индиктъ 14 (1496 г.)“ ⁴⁾. Въ записи допроса, производившагося въ Вильнѣ въ 1498 году, читаемъ между прочимъ: „Ратомскій свѣтчилъ тымъ обычаемъ: Коли панъ Петръ прѣхалъ до Станкова и съ панею своею до дѣлу своего, и я тогда *намѣстникомъ* былъ отъ пана старосты. И пани его позвала мене и пытала мене, есть ли полотна. И я исповѣдалъ полотна въ той клѣтѣ, въ которой скарбъ былъ; и велѣла мнѣ *ключника* позвати и клѣтъ отомкнути. И я велѣлъ клѣтъ отомкнути“ ⁵⁾“ и т. д. Въ подтвердительномъ листѣ короля Александра выданномъ городничему Городенскому пану Оедьку Гавриловичу Мелешковича между прочимъ написано: „Также повѣдиль передъ нами што жъ *дьякъ* его Микитка купилъ огородцы въ мѣстѣ Городенскомъ... и тыхъ дей всихъ огородовъ, купилъ своею, ему, пану своему, ся поступилъ“ ⁶⁾. Въ testamentѣ пана Петра Станиславвича, старосты Жомонтскаго, записан-

¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.

²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 197, 198. См. также Акты Зап. Рос. I, № 208; II, № 70.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 115, 249, 282, 357, 635, 649, 815, 816.

⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 275.

⁵⁾ Ibidem, л. 273.

⁶⁾ Ibidem, л. 245, 246.

номъ въ книгу Метрики подъ 1534 г. мая 3, читаемъ: „И пры нихъ (эксекуторахъ тестаента) уставямъ служебниковъ моихъ для всихъ потребныхъ послугъ дѣтемъ моимъ: *маршалка* моего Александра Таровскаго а *наместника* Освейскаго Богдана Ивановича, а *наместника* Видуклевскаго Богдана Костянтинова, а *писарей* нашихъ Крыштофа Коморовскаго а Щастнаго Абрамовича“¹⁾. Въ Литовской Метрици можно найти также и грамоты, которыя выдавали паны своимъ боярамъ, мѣщанамъ и слугамъ, и которыя носятъ такой же „самостоятельный характеръ“, какой г. Леонтовичъ признаетъ только за грамотами удѣльныхъ князей. Вотъ одна изъ такихъ грамотъ (приводимъ ее цѣликомъ): „Отъ Олбрахта Мартиновича Кгаштолта, воеводы Виленскаго, канцлера господаря короля его милости, наместнику нашему Воложинскому Добрынскому и инымъ наместникомъ нашимъ, кто и напотомъ будетъ тотъ дворъ нашъ Воложинъ отъ насъ держати. Билъ намъ чоломъ *городничій нашъ Кгереноинскій* Васька Игнатовичъ, абымо ему дали три земли пустовскихъ, на имя Сивицкихъ, которыми даровалъ насъ панъ Липъ Юревичъ Немировича. Ино мы, бачучи его вѣрную и тежъ пилную къ намъ службу и тежъ на его чоломбитье, то вчинили, тыи три земли Сивицкихъ, на имя Ошихимовщину, Мѣховщину и Головизневщину, ему самому и его жонѣ; и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ дали на вѣчность. А онъ намъ маєтъ съ тыхъ земель службу служити конне а збройне, какъ на войну слушати. И ты бы въ тыи три земля пустовскихъ увязалъ копечно. И на то есмо дали ему сесь нашъ листъ съ нашою печатью. Писанъ въ Родошковичохъ подъ лѣты Божего Нарожения 1526, мѣсеца іюня, 23-й день“²⁾. По формѣ эта грамота—точное подобіе тѣхъ, которыя выдавалъ самъ господарь великій князь. Ни въ какомъ подтвержденіи господаря она не нуждалась, такъ какъ опредѣляла фактъ, исключительно внутренней для панскаго имѣнья. Другое дѣло, если бы панъ пожаловалъ имѣнье съ правомъ „кому хотя служити“: тогда лицо, получившее имѣнье, для утвержденья его за собою обязательно должно было выхлопывать подтвердительный листъ господаря великаго князя. И это справедливо не только относительно панскихъ пожалованій, но и относительно княжескихъ, какъ признаетъ и самъ г. Леонтовичъ³⁾. Итакъ, всѣ тѣ

¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 187.

²⁾ Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, докум. 37.

³⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 616, 617; Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 129, прим. 8.

признаки удѣльныхъ князей, которые выдвигаетъ г. Леонтовичъ, говоря о Пивскихъ князьяхъ (и Острожскихъ на стр. 193, 194), оказываются у нихъ общими съ крупными землевладѣльцами—панамн, а потому и не могутъ служить для нихъ характеристики.

„Въ составъ „вотчинныхъ“ правъ князей Четвертенскихъ, говорить на 300-й стр. г. Леонтовичъ,—по старымъ удѣльнымъ обычаямъ входило между прочимъ право взысканія „мыта“ (таможенныхъ пошлинъ) въ своихъ владѣніяхъ,—одно изъ владѣтельныхъ правъ старыхъ удѣльныхъ князей, *удержавшееся* за князьями Четвертенскими, какъ и за другими головными князьями еще въ пору описи Волинскихъ замковъ (въ половинѣ XVI столѣтія), когда мѣстные князья, въ томъ числѣ и Четвертенскіе, уже отошли въ разрядъ землянъ“.—Но вѣдь и простые земляне, нетитулованные, какъ видно изъ той же описи Волинскихъ замковъ, собирали мыто въ имѣніяхъ ¹⁾. При чемъ же тутъ старыя удѣльные обычаи, разъ собраніе мыта было уже общимъ правомъ всѣхъ землевладѣльцевъ? Съ другой стороны, изъ „реестра“, подавнаго луцкими мѣщанами королевскому ревизору въ 1545 году, мыто князей Четвертенскихъ поставлено въ числѣ тѣхъ, которыхъ не было при королѣ Казимирѣ, и которыя „за щастливаго панованья Александра короля и днсейшого господара нашего старшого ново прибыли“ ²⁾. Относительно этого мыта ревизоръ рѣшилъ: „Въ Четверыни князей Четвертенскихъ ничего не брати, бо сами были, а *привилеевъ* своихъ не положили ³⁾. Какъ же въ виду всего этого можно было говорить о томъ, что будто бы право князей Четвертенскихъ на сборъ мыта было остаткомъ, переживаніемъ ихъ удѣльнаго значенія? Сборъ мыта уже въ XV вѣкѣ не былъ особымъ правомъ удѣльныхъ князей, а въ XVI вѣкѣ и подавно. Отъ 1488 года дошелъ „безмытный листъ“ короля Казимира, выданный мнскому мѣщанину Лукѣ Терешковичу, конимъ онъ освобождался отъ платежа „по всимъ нашимъ (господарскимъ) мытомъ и по князскимъ, и по панскимъ, и по боярскимъ сухимъ путемъ и водою“ ⁴⁾. Въ 1524 году король Сигизмундъ освободилъ купца Нисана Симшича „отъ плаченья мыта старого“ (за исключеніемъ восковничаго и соленичаго) „по всимъ мытомъ нашимъ и князскимъ, и панскимъ, и духовнымъ“ ⁵⁾. Въ 1540 г. король

¹⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 60, 61.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, str. 67.

⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 148. Ср. Акты Зап. Рос. I, № 149, 182.

⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 192.

Сигизмундъ писалъ панѣ Софѣ, женѣ воеводы Виленскаго и канцлера Альбрехта Мартиновича Гаштольда, чтобы она запретила своимъ урядникамъ въ Любечѣ собирать мыто съ мѣщанъ кievскихъ: „для ихъ недостатку и впаду и шкоду, которыми они завжды на той украинѣ отъ поганства татаръ пріймуютъ, отпустили есмо имъ вси мыта наши и князскіи, и паньскіи, духовныи и свѣтскіи, по всей отчизнѣ нашей, великому князству Литовскому, сухымъ путемъ и водою“¹⁾. Если такъ, то, значить, нельзя сборъ мыта считать признакомъ удѣльныхъ князей.

На стр. 308 и 309 г. Леонтовичъ говоритъ о князьяхъ Курцевичахъ: „Утвержденіе королемъ Казимиромъ Ягеллономъ за Курцевичами ихъ отчины въ качествѣ потомственнаго владѣнія, „ничого на себѣ не вымѣняючи“, указываетъ именно на владѣтельный характеръ правъ князей Курцевичей“.—Но вѣдь подобныя же привилегіи давались и простымъ панамъ. Такъ въ 1516 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Богушу Боговитиновичу дворъ Жуково въ Луцкомъ повѣтѣ „со всемъ правомъ, панствомъ и властностью, какъ ся съ стародавна и тыми разы тотъ дворъ въ собѣ маеть и какъ на насъ былъ держанъ, ничого оттоль на насъ и на наши наслѣдки не выимуючы“²⁾.—Гдѣ же тутъ особенныя права удѣльнаго князя?

Много и другихъ подобныхъ недоумѣній можетъ возникнуть, если мы будемъ вмѣстѣ съ г. Леонтовичемъ разсматривать литовско-русскихъ князей внѣ исторической перспективы, не различая подобно ему XIV вѣка отъ XVI и подчасъ XVII вѣка, если не будемъ обращать вниманія съ одной стороны на успѣхи верховной власти въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, съ другой—на политическія права, приобретенныя за то же время крупными землевладѣльцами. Коротче сказать, трактуя вопросъ объ удѣльныхъ князьяхъ, надо считаться съ уравненіемъ удѣльныхъ князей съ другими крупными землевладѣльцами, происходившимъ въ XV и XVI вѣкахъ, и только при этомъ условіи можно выдѣлить то, что составляло специальную особенность удѣльныхъ князей. Это выдѣленіе, конечно, потребуетъ глубокаго и подчасъ тонкаго юридическаго анализа, основаннаго на широкомъ и всестороннемъ изученіи государственныхъ и общественныхъ отношеній великаго княжества Литовскаго, и предпринять его безъ изученія ар-

¹⁾ Литов. Метр. кн. Корон. Перещис. XXVII, л. 89.

²⁾ Литов. Метр. кн. запис. VII, л. 591, 592. Срав. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 118, 129, 130.

живнаго матеріала; на нашъ взглядъ, немислимо. Кромѣ того, необходимо гораздо внимательнѣе и строже чѣмъ это сдѣлалъ г. Леонтовичъ отнестись къ различнымъ *наслоеніямъ* въ составѣ литовско-русскаго княжя, даннымъ различными эпохами государственнаго объединенія. Нельзя, напримѣръ, ставить на одну доску съ князьями Слуцкимъ, Мстиславскимъ, Кобринскимъ какихъ-нибудь князей Жижемскихъ, Соломерецкихъ, Козловскихъ, Свирскихъ, Трабскихъ и т. п. Надо непремѣнно различать князей, которые въ данный моментъ являются въ роли удѣльныхъ государей болѣе или менѣе крупныхъ территорій, отъ тѣхъ, которые являются уже въ составѣ высшаго земскаго класса данной области. Затѣмъ, не надо упускать и различія между дѣйствительными удѣлами князей, которые въ качествѣ таковыхъ заняли извѣстное мѣсто въ объединившемся государствѣ, и пожалованными князьямъ имѣніями, положеніе которыхъ опредѣлилось уже ранѣе этого пожалованья, въ родѣ, напримѣръ Дубна и Крошина. Такія имѣнья и послѣ пожалованья князьямъ тянули судомъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), военною повинностью, городовою работою и т. д. къ центрамъ тѣхъ округовъ, къ которымъ онѣ ранѣе принадлежали ¹⁾). Еслибы г. Леонтовичъ принялъ все это во вниманіе, онъ гораздо короче и совершенно иначе разработалъ бы свою тему. По его вопросу слѣдовало бы имѣть дѣло не столько съ князьями и ихъ владѣніями, сколько съ цѣлыми землями, съ обстоятельствами ихъ присоединенія, съ тѣмъ положеніемъ, которое онѣ занимали въ новомъ государствѣ и т. д. Князья играли конечно извѣстную роль въ объединеніи государства, но не всегда въ качествѣ государей извѣстныхъ территорій, а часто въ качествѣ высшаго земскаго класса. Въ настоящихъ замѣткахъ мы не имѣли претензіи рѣшать поставленныхъ г. Леонтовичемъ вопросовъ, а хотѣли только намѣтить будущимъ изслѣдователямъ путь, которымъ по нашему мнѣнію слѣдуетъ подходить къ ихъ рѣшенію, и тѣмъ избавить ихъ отъ напраснаго блужданія вмѣстѣ съ г. Леонтовичемъ.

Г. Леонтовичъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги говоритъ и о мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства, при чемъ отвергаетъ положенія, выставленныя въ моей книгѣ „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“. Мнѣ ка-

---

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 628—633, 829—832, 852—856, 61—863.

жется, что г. Леонтовичу слѣдовало бы повременить съ своими осужденіями до выхода въ свѣтъ послѣднихъ частей моей книги, гдѣ и изображается собственно мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства. Еслибы онъ дождался этихъ частей, онъ былъ бы, можетъ быть, болѣе милостивъ ко мнѣ и не сталъ бы обвинять меня въ излишней смѣлости по поводу утвержденія, что при намѣстникахъ главныхъ городовъ областей состояли судебно-административныя „рады“ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ состояли рады при удѣльныхъ князьяхъ ¹⁾; не сталъ бы, можетъ быть, обвинять меня въ изобрѣтеніи термина „сеймъ“ земли Волинской ²⁾ и т. д. Собственныя попытки г. Леонтовича характеризовать мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, такъ же неудачны, какъ и попытки характеризовать князей.

Прежде всего, очень ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія даетъ онъ читателю о самыхъ органахъ мѣстнаго управленія. На стр. 38 г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Съ Витовта княжество Трокское управлялось намѣстниками и старостами, а съ 1413 года воеводами“. Читатель недоумѣваетъ, были ли намѣстники, старосты, воеводы разные, или одни и тѣ же должностныя лица, только съ разными названіями. На стр. 144 г. Леонтовичъ разсѣиваетъ нѣсколько это недоумѣніе, говоря, что король Сигизмундъ управлялъ Городецкою волостью чрезъ назначенныхъ имъ „старость-намѣстниковъ“; ясное дѣло, что намѣстники и старосты—одно и то же. На стр. 179 въ примѣчаніи г. Леонтовичъ говоритъ: „Старое земское единство и самобытность западно-русскихъ областей, какъ увидимъ ниже, въ литовскую эпоху были въ корнѣ разрушены очень рано начавшимся дробленіемъ земель на „староства“ и „повѣты“ съ своими особыми старостами, великокняжескими намѣстниками, позже воеводами, непосредственно подчинявшимися литовскимъ господамъ“. Тутъ какъ будто бы уже намѣстники и воеводы—одно и то же, при чемъ старосты управляютъ „староствами“, а намѣстники-воеводы—„повѣ-

¹⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 864—869. Срав. Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 193, прим. I. Свое обвиненіе меня въ излишней смѣлости г. Леонтовичъ даже посодилъ, только не аттическою солью: по поводу моего выраженія „судебно-административное присутствіе“ онъ спрашиваетъ въ скобкахъ: „не губернскаго ли правленіе нашего времени?“.

²⁾ См. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 869—873. Ср. Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 315. прим.

тами". Но на 191 стр. г. Леонтовичъ уже говорить, что „каждый намѣстникъ-староста вѣдалъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ воеводою, своею *волостью—повѣтомъ*". На слѣдующей 192 стр. читатель узнаетъ о существованіи „урядниковъ-намѣстниковъ, державцевъ и старость, назначавшихся литовскимъ господаремъ правителями отдѣльныхъ кievскихъ волостей, староствъ и повѣтовъ“, при чемъ неясно, кому идутъ волости, кому—староства, кому—повѣты и есть ли между ними какая нибудь разница. На стр. 200 представленіе читателя окончательно спутывается. „Въ правобережной Киевщинѣ,—говоритъ г. Леонтовичъ,—со времени упраздненія великаго кievскаго княженія, образовался рядъ отдѣльныхъ намѣстничествъ или староствъ—административныхъ районовъ, имѣвшихъ каждый своихъ особыхъ правителей, называвшихся то господарскими намѣстниками, то старостами, то державцами“. Я не говорю, что тутъ есть что-нибудь невѣрное по существу, но г. Леонтовичъ мало заботился при этомъ о читателѣ и способомъ своего изложенія повергъ его въ совершенное недоумѣніе. Кромѣ того по обычаю своему онъ внесъ въ эти разсужденія анахронизмы, утверждая, напримѣръ, что у Любарта были „старосты“ (стр. 233, прим. 1) что слово „повѣтъ“ употреблялось еще при Ольгердѣ въ тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія (стр. 317 прим.) На дѣлѣ употребляя слова „повѣтъ“ и „волость“ *вполнѣ согласно* съ данными въ моей книгѣ толкованіями ¹⁾, г. Леонтовичъ тѣмъ не менѣе грозитъ въ будущемъ разоблаченіемъ моего яко-бы совершенно произвольнаго толкованія этихъ названій, хотя у меня нѣтъ ни одного слова, не оправданнаго ссылкой на источники ²⁾.

Отсылая читателя къ вопросу о мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства къ моей книгѣ, изъ которой достаточно можно убѣдиться, разрушено-ли было *въ корнѣ* земское единство областей Литовско-Русскаго государства, какъ утверждаетъ г. Леонтовичъ, или нѣтъ, я разберу здѣсь только тѣ доводы, которые выставилъ г. Леонтовичъ противъ моего утвержденія, что власть воеводъ и старость не ограничивалась предѣлами ихъ собственныхъ державъ, а простиралась также и на повѣты намѣстниковъ-державцевъ и тиву-

¹⁾ Въ дополненіе къ только что приведеннымъ примѣрамъ см. еще 194 стр. его книги.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства стр. 71—77.

новъ, которые подчинены были воеводамъ и старостамъ, какъ замѣстителямъ (въ извѣстныхъ отношеніяхъ) удѣльныхъ князей, какъ высшей судебной-административной инстанціи. Г. Леонтовичъ не хочетъ признавать этихъ высшихъ инстанцій и всѣ факты правительственной дѣятельности воеводъ и старостъ, собранные въ моей книгѣ, объясняетъ частными порученіями, которыя господарь давалъ воеводамъ и старостамъ ¹⁾. Прекрасно. Но вотъ что является непонятнымъ при этомъ: почему это воеводы и старосты получаютъ господарскія порученія относительно волостей или повѣтовъ *извѣстнаго округа*, который считается ихъ повѣтомъ? Затѣмъ: въ моей книгѣ приведены прямые указанія, что воеводы и старосты высылали дѣцкихъ и слугъ въ державы своего повѣта, судили ихъ людей, помимо господарскихъ порученій, въ силу своего *права*, которое прекращалось съ отдачею этихъ державъ „въ заставу“; указано, что самыя державы раздавались по представленію воеводъ и старостъ, что державцы по жалобамъ частныхъ лицъ на ихъ неправильный (не по Статуту) судъ судились *воеводами своего повѣта* и т. д. и т. д. Но г. Леонтовичъ оставилъ все это безъ вниманія, а мои разсужденія о положеніи Кіевскаго воеводы, основанныя на нѣкоторыхъ указаніяхъ актовъ и на аналогіи съ тѣмъ, что было въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, обозвалъ гипотезою, „въ научномъ отношеніи не имѣющею никакого серьезнаго значенія“. Что же дѣлать, если г. Леонтовичъ не читаетъ, какъ бы слѣдовало, ни источниковъ, ни чужихъ книгъ. Это ужъ его собственная вина, и распространяться по поводу этого было бы излишне. Здѣсь же ²⁾ онъ, между прочимъ, укоряетъ меня въ томъ, что я глухо ссылаюсь на архивныя матеріалы, и что по примѣру г. Прохаски и С. А. Бершадскаго я не напечаталъ предварительно документовъ, на основаніи которыхъ составлялъ свою книгу. Но, вопервыхъ, всѣ документы, которыми я пользовался, нѣтъ никакой возможности напечатать частному лицу и въ скоромъ времени; вовторыхъ, я зналъ, что важнѣйшіе изъ нихъ уже напечатаны С. А. Бершадскимъ, хотя и не выпущены въ свѣтъ ³⁾; в-третьихъ, для очерка историко-географическаго не было особенной надобности печатать документы *in pleno*, а достаточно было тѣхъ выдержекъ и указаній, которая даны въ моей

¹⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 190—193.

²⁾ Очерки исторіи литовско-русскаго права, стр. 192, прим. 1.

³⁾ Историческое обозрѣніе, т. IV, стр. 310, С. 116. 1892.

книгѣ. Въ отдѣлѣ о мѣстномъ управленіи я дамъ болѣе полныя выдержки, а отчасти и документы *in rebo*, и г. Леонтовичу слѣдовало бы попеременить съ своими сѣтованіями до выхода въ свѣтъ этого отдѣла моей книги.

На стр. 315, въ примѣч. 3-мъ, у г. Леонтовича находимъ странное утвержденіе, что будто бы „князья и земляне во всемъ Литовско-Русскомъ государствѣ подчинялись только суду господаря съ радюю“. Справедливо, что князьямъ, боярамъ-шляхтѣ и землянамъ *не запрещено было* судиться прямо у господаря, минуя мѣстныхъ правителей, но и то съ нѣкоторыми ограниченіями, напримѣръ, въ земляхъ Полоцкой, Витебской и Жмудской ¹⁾. Но чтобы князья и земляне не обязаны были подчиняться суду мѣстныхъ правителей, которые будто-бы судили ихъ только по порученіямъ центрального правительства, это ужъ „миражъ“ г. Леонтовича. Въ нашей книгѣ собрано не мало указаній на то, что мѣстные правители судили князей, бояръ-шляхту и землянъ *ex officio*, а не по порученіямъ только господаря. Отсылая читателей къ этимъ указаніямъ, которыя тамъ легко найти, приведемъ здѣсь только статью кievскаго земскаго привилея: „А хто бы, не вступая у право передъ нашимъ воеводою, отозвался на насъ господаря, того пустити передъ насъ, а призвавши ихъ, обоихъ сутяжцовъ, передъ собою, дати имъ рокъ подобный передъ нами ихъ стати; а который бы зъ нихъ на тотъ рокъ передъ нами къ праву не сталъ, вымѣняя службы наше, або (Боже уховай!) немощы, а отволокая правомъ; *тогда воевода нашъ маеть мощно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждаго отзвѣчанья передъ насъ, и справедливость тому вчинити на обѣ стороны*“.

На стр. 192, отвергая мою гипотезу о старшинствѣ старосты Луцкаго среди урядниковъ земли Волынской, г. Леонтовичъ говоритъ между прочимъ: „Въ волынскихъ актахъ находимъ указанія на такіе случаи разсмотрѣнія дѣлъ нѣсколькими мѣстными урядниками по „осподарскому приказанью“, когда первенство давалось, напримѣръ, кременецкому намѣстнику, луцкій староста и волынской маршалокъ занимали при этомъ второстепенное положеніе“. Такой случай принадлежитъ 1475 году по дѣлу о дѣльницахъ князей Збаражскихъ (Archiw. Sang. I, № LXXIV, стр. 69—70). Замѣчательно, что г. Лю-

¹⁾ См. *Ясинскаю*, Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 120, 121, прим. 79. Ср. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 638—642.

бавскій ссылается, между прочимъ, и на актъ 1475 года тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свою гипотезу о главенствѣ луцкаго старосты, не смотря на то, что этотъ актъ рѣшительно отвергаетъ упомянутую гипотезу. Такое невнимательное отношеніе автора къ показаніямъ актовъ, обнаруженныхъ въ печати, невольно наводитъ на сомнѣніе въ томъ, чтобы онъ излагалъ въ надлежащемъ освѣщеніи и архивныя данныя, извлеченныя имъ изъ рукописныхъ матеріаловъ Литовской Метрики⁴. Слѣдовало бы ожидать, что г. Леонтовичъ, дѣлая миѣ такой упрекъ, бросая тѣнь на мою, [такъ сказать, научную правоспособность, самъ-то, по крайней мѣрѣ, прочтетъ внимательно и акты, и мою книгу. Но г. Леонтовичъ, повидимому, не считалъ нужнымъ церемониться съ „молодыми пачинающими учеными“. Откуда онъ взялъ, что *намѣстникъ Кременецкій* имѣлъ первенство на судѣ 1475 года? Въ актѣ, на который онъ ссылается, на первомъ мѣстѣ поставленъ князь Александръ Сангушковичъ, а за нимъ панъ Михаилъ Монтовтовичъ, староста Луцкій, панъ Олизаръ Шиловичъ, маршалокъ Волинской земли, староста Володимирскій. Но былъ-ли князь Александръ Сангушковичъ въ 1475 г. намѣстникомъ Кременецкимъ, не извѣстно; скорѣе всего, что не былъ, такъ какъ ни въ этой грамотѣ, ни въ слѣдующей¹⁾ онъ не записанъ таковымъ. Намѣстникомъ Кременецкимъ, сколько намъ извѣстно по актамъ, онъ упоминается впервые только въ 1489 году. Въ этомъ году (іюня 2-го, индикта 7-го) король давалъ ему въ числѣ другихъ жалованье²⁾. Но даже, еслибы г. Леонтовичъ былъ правъ, и князь Александръ Сангушковичъ былъ тогда дѣйствительно намѣстникомъ Кременецкимъ, слѣдуетъ-ли отсюда, что я невнимательно читалъ акты? Свою гипотезу я строилъ не на томъ только, что староста Луцкій въ актахъ упоминается прежде другихъ, а и на нѣкоторыхъ другихъ признакахъ. Дѣло идетъ о дѣлѣжѣ отчинными имѣніями князей Збаражскихъ, которыя лежали въ Кременецкомъ повѣтѣ; а между тѣмъ гдѣ оно рѣшается? — *въ Луцкѣ*. Затѣмъ: хотя въ грамотѣ, на которую ссылается г. Леонтовичъ, князь Александръ Сангушковичъ и поставленъ на первомъ мѣстѣ, но въ дѣльчей грамотѣ самихъ князей Збаражскихъ, произведшихъ дѣлежъ согласно указа-

¹⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXV.

²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 81. Въ этой книгѣ содержатся приходо-расходныя записки и различные привилегіи не ранѣе 1482 года. См. С. Я. Пташницкаго, Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики, стр. 81. С.-Пб. 1887.

нїямъ вышеупомянутыхъ судей и въ ихъ присутствїи, прямо сказано: „А то свидѣмо пану Михайлу Монтовтовичу, старостѣ Луцкому, а владыцѣ Луцкому Олексїю, а князю Олександру Сангушковичю, а пану Олизару Шиловичу, старостѣ Володимерьскому, маршалку земьскому“¹⁾. Въ первой же грамотѣ, которая писана отъ имени самихъ судей, Александръ Сангушковиъ поименованъ первымъ, новидному, въ уваженіе къ его княжескому титулу или къ тому мѣсту, которое онъ занималъ въ радѣ господаря великаго князя. Во всякомъ случаѣ, когда мы ставили свою гипотезу о старшинствѣ старосты Луцкаго, то основывали ее не на одномъ только этомъ внѣшнемъ признакѣ²⁾.

Пропускаю разныя другія разсужденія и сообщенія г. Леонтовича³⁾, ибо критическій разборъ ихъ потребовалъ бы написанія статьи, едва ли не равной по объему книгѣ г. Леонтовича. Замѣчу только вообще, что, на мой взглядъ, книга г. Леонтовича нисколько не увеличила свѣдѣній и не усовершенствовала представленій о Литовской Руси.

Матвѣй Любавскій.

П. В. Нетушилъ. Очеркъ римскихъ госудаготвенныхъ древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Выпускъ первый. Харьковъ. 1894. Стр. 232.

Первымъ выпускомъ „Очерка римскихъ государственныхъ древностей“ проф. Нетушилъ началъ изданіе обширнаго труда, для полной публикаци котораго понадобится, вѣроятно, не одинъ годъ времени. Авторъ не снабдилъ этого выпуска предисловіемъ, но на первой, прибавочной и не включенной въ счетъ, страницѣ онъ далъ перечисленіе слѣдующихъ пяти отдѣловъ, которые въ своей совокупности составляютъ полный очеркъ римскихъ древностей, а именно: „I) Государственное устройство до Августа, II) Государственное устройство въ императорскій періодъ, III) Отрасли государственнаго

¹⁾ Archiwum kw. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXV.

²⁾ См., напримѣръ, еще Акты Западной Россїи, III, № 13, стр. 65.

³⁾ Ср., напримѣръ, то, что говоритъ г. Леонтовичъ о „хлѣбокормленїи“ и „доживотѣ“ (стр. 128, прим. 2) съ выдержками актовъ, приведенныхъ на 594-й стр. нашей книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.